

КНИГА 1 СЕРИИ «ВОЛЧИЙ ЦАРЬ»

ВОЛЧИЙ ЦАРЬ

ТЕНИ ПРОШЛОГО

КИРИЛЛ СИМКИН

Кирилл Симкин

Волчий царь. Тени прошлого

«Автор»

2026

Симкин К.

Волчий царь. Тени прошлого / К. Симкин — «Автор», 2026

Зима 1912 года. Московский студент Аркадий приезжает в родовое поместье в Калужской губернии. Ночная встреча с призраком ребенка, исчезнувшего много лет назад, становится началом долгого пути к тайнам собственной семьи и далекого прошлого. Знакомство с волчьим царем, хранителем наследия древнего народа, открывает перед героем невероятные возможности, но навсегда меняет его жизнь. «Волчий царь. Тени прошлого» - это мистический роман, в котором сверхъестественное плотно вплетено в подлинную историю России начала XX века. Реальные города и усадьбы, особенности быта, речи и традиций дореволюционной эпохи, а также исторические события воссозданы с максимальной достоверностью. Это превращает книгу в атмосферное путешествие в исчезнувший мир. «Волчий царь. Тени прошлого» - первая книга масштабной саги о становлении человека, которому предстоит объединить вокруг себя людей своей крови, раскрыть тайны, веками остававшиеся скрытыми от остального мира, и обрести подлинное могущество.

© Симкин К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	20
ГЛАВА 4	26
ГЛАВА 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Кирилл Симкин

Волчий царь. Тени прошлого

ГЛАВА 1

Lupus est homo homini, non homo, quom qualis sit non novit.¹

Плавт

Сани, запряженные парой вороных лошадей, медленно въехали на главную улицу Мещовска. Большая Калужская разрезала уездный город почти пополам, с юга на север, и выходила на старинный торговый тракт. От самого въезда в город путешественник мог видеть высокую колокольню Благовещенского собора, украшенную не так давно большими часами, подаренными городу купцом Чубькиным. Заходящее зимнее солнце освещало золоченые купола окрестных церквей, заснеженные крыши купеческих домов и лабазов. Был вечер воскресенья, улицы города опустели. Старая мостовая была укрыта толстым слоем свежесыпавшего снега, поскрипывавшего под полозьями, только вдоль домов тянулась узкая тропинка.

Вскоре перед взором открылся древний Георгиевский монастырь, рассмотреть который, впрочем, было уже довольно сложно из-за сумерек, быстро спускавшихся на город.

Митька, служивший кучером в семье Протопоповых почти четверть века, встретил Аркадия на железнодорожной станции верстах в двадцати от города.

Аркадий Протопопов, сын помещика, уже третий год учился в московском университете на юриста и каждое Рождество навещал мать, жившую в усадьбе Великорецкое неподалеку от Мещовска. Он был крепкого телосложения, рослый, густые русые волосы стриг коротко. В университете отпустил бородку «а-ля Чехов». От отца он унаследовал светло-серые насмешливые глаза.

Отец Аркадия, Василий Васильевич, владевший Великорецким, умер много лет назад, и поместье постепенно приходило в запустение. Старый кленовый парк, когда-то ухоженный, начал зарастать сорными кустами и подлеском, а пруд рядом с усадьбой летом затягивался ряской и напоминал скорее болото. Село раскинулось на обоих берегах речки Скородынки, иссиня-черной в любую погоду. Мост, построенный больше века назад, обветшал, и ездить по нему стало опасно. Поэтому кучер сделал большой крюк по заснеженному полю и подъехал к двухэтажному господскому дому.

Аркадий вылез из саней, потопал затекшими за время долгой поездки ногами и пошел к крыльцу. Он любил это место, здесь прошло его детство. Из дощатой будки вылез светло-пегий пес с темными подпалинами на боках и приветливо завил хвостом, похожим на пальмовую ветку.

– Привет, Мордан, как же я рад тебя видеть! Совсем ты старый стал, и морда вся седая...

Пес наклонил большую голову с вислыми ушами и попытался боднуть Аркадия, показывая, что тоже рад встрече. Дверь террасы тихо отворилась, и на заснеженное крыльцо вышла мать Аркадия, Мария Афанасьевна. Это была высокая женщина лет сорока, чья несомненная природная красота уже начала увядать. Ее русые волосы тронула ранняя седина. Она зябко куталась в шаль, украшенную причудливым восточным орнаментом. Василий Васильевич купил ее в английском магазине в Петербурге, увидев точно такую же на парадном портрете королевы Виктории. Шаль стала последним подарком, преподнесенным отцом перед смертью, и Аркадию нравилось, когда мать надевала ее.

¹ Человек человеку не человек, а волк, когда не знает, каков тот.

– Ну как вы тут живете, мама? – спросил Аркадий, взбежав на высокое крыльцо. Мать крепко обняла его, поцеловала в лоб и долго не отпускала.

– Как же хорошо, что ты наконец дома, очень соскучилась. Здесь совсем пусто стало, никто не приезжает из соседей, только батюшка иногда заходит. Ты знаешь, в нашей церкви теперь новый священник, отец Сергей? Он раньше служил неподалеку, в Хордове, а теперь вот здесь. Завтра познакомишься с ним.

Аркадий, будучи человеком нового времени, как он сам себя определял, попов не особо жаловал, но мать решил не расстраивать.

– Конечно, познакомлюсь непременно.

Мария Афанасьевна никогда не была особо набожной, но после смерти мужа все сильно переменилось. Она стала часто посещать службы в Никольской церкви, расположенной рядом с усадьбой, и даже однажды ездила на богомолье в далекий монастырь. Храм в Великорецком построил прадед Аркадия еще в начале прошлого века на месте старинной деревянной часовни, сгоревшей от удара молнии.

Они прошли в дом. Кучер занес вещи Аркадия на террасу и, поклонившись, ушел.

– Ты устал, наверное? Дорога была долгая... Хорошо, что Митька тебя на станции встретил, а то как добраться сюда, тем более так поздно? Может, поешь? Даши нашей, правда, нет сегодня. Я ее отпустила к родным сходить.

Аркадий, успевший в ожидании кучера поужинать в станционном буфете, совсем не был голоден.

– Нет, мама, спасибо, я сыт. Давайте лучше чаю попьем...

Из чемодана он извлек несколько жестянок с печеньем и конфетами «Сиу». Они продавались во многих магазинах Москвы, но были редкостью в Мещовске, где, как помнил Аркадий, торговали в основном местным. Эти яркие разноцветные коробки казались чужими на фоне серо-коричневых стен террасы.

– Как там твой бокс? — поинтересовалась мать. Она не одобряла спортивное увлечение сына, считая его опасной забавой.

Еще в гимназии Аркадий заинтересовался боксом, покупал открытки с известными иностранными боксерами. После поступления в университет он узнал, что несколько его однокурсников посещают кружок любителей английского бокса, и присоединился к ним. Аркадий не мечтал о спортивной карьере, но все эти годы занимался усердно и добился неплохих результатов. Бокс не только сделал его крепче физически, но и научил быстро принимать решения и не бояться неудач. Знакомство с этим спортом имело еще одно важное последствие. Аркадий начал читать посвященные боксу журналы, которые выписывал из Лондона, и теперь знал английский язык куда лучше, чем раньше.

– Хорошо, мама. На прошлой неделе участвовал в турнире в Москве. Петя и Миша болели за меня. Сказали, что я бился не хуже англичан.

Петя и Миша были его закадычными друзьями еще с гимназии Поливанова. Аркадий со смехом говорил, что знает их больше половины жизни, что, в сущности, было чистой правдой. Они три года назад, как и Аркадий, поступили на юридический факультет Московского университета и почти все свободное время проводили вместе.

Горячий чай странно подействовал на Аркадия. Он почувствовал, что непреодолимо хочет спать.

– Вы, мама, еще не ложитесь? У меня, по правде говоря, уже глаза закрываются... Все-таки с шести утра на ногах, да и замерз немного, пока со станции ехали.

Марии Афанасьевне хотелось еще поговорить с сыном, но видя, как Аркадий, сидя за столом, клюет носом, она решила, что лучше тому действительно отправиться спать.

Аркадий вошел в свою старую спальню, располагавшуюся на первом этаже. Здесь все было так же, как раньше. Даже маленькие лошадки из обожженной глины, раскрашенные в

яркие цвета, стояли на полке над кроватью рядом с книгами, которыми он когда-то зачитывался. На одном из кресел висел его любимый халат из бордового бархата, купленный несколько лет назад в Москве. Он разделся и лег в постель. В окно, выходящее на реку, светила зимняя яркая луна. Аркадию в детстве говорили, что лунный свет вреден. Он не был уверен, что это правда, но все же решил поплотнее задернуть шторы. Аркадий встал с кровати и по скрипучему паркету подошел к окну.

Сон как рукой сняло. Под окном стоял и смотрел на него мальчик лет семи. Это было странно. Что бы делать ребенку посреди ночи у чужого дома? Но самым удивительным было то, что, несмотря на лютой мороз, мальчик был одет только в длинную крестьянскую рубаху. Аркадий заметил, что ребенок босой.

Он попытался открыть форточку. Сначала та не поддавалась, видимо ее не открывали очень давно. Потом она все же отворилась с резким скрипом. Он залез на стул и толкнул форточку внешней рамы. В комнату ворвался студеной зимний воздух.

– Ты чей? – спросил Аркадий и сразу понял, что вопрос звучит неуместно.

– Марфин я, – тихо ответил мальчик. – Ваней меня звать.

– А что ты тут делаешь, Ваня? Тебе же холодно... застудишься.

– Нет, мне не холодно. Только скучно, играть не с кем. И пусто тут. Вода кругом...

Аркадий не понимал, что ему делать. Наверное, нужно было позвать странного ребенка в дом, а утром найти его мать.

– Подожди, Ваня, я к тебе сейчас выйду, переночуешь у нас, а завтра тебя домой отведут.

Аркадий быстро оделся и вышел из спальни. На террасе он увидел, что мать еще не спит. Мария Афанасьевна читала, сидя у стола, на котором стоял большой латунный подсвечник. Увидев сына, натягивающего войлочные сапоги, она удивилась.

– Ты куда это на ночь глядя собрался?

– У нас под окном какой-то мальчик стоит.. Говорит, что он Ваня, сын Марфы. Ты знаешь тут какую-нибудь Марфу? Надо его позвать внутрь, пускай согреется.

– Марфу? – произнесла Мария Афанасьевна дрогнувшим голосом.

Аркадий заметил, что мать напугана. Даже при мерцающем слабом свете, отбрасываемом свечами, было заметно, как сильно она побледнела.

– Подожди, сейчас приведу его в дом.

Аркадий открыл дверь и быстро вышел на крыльцо. Спустившись, он обогнул усадьбу и оказался перед окном своей спальни. Там было пусто. Только на залитом лунным светом снегу, где стоял мальчик, виднелись два маленьких углубления, как будто от детских ножек. Рядом со следами лежала большая черная ветка, упавшая со старого клена.

Вернувшись на террасу, Аркадий увидел, что мать, стоя у стола, наливает себе в рюмку херес. Она была бледна, а ее руки слегка дрожали.

– Не нашел? – спросила она Аркадия странным голосом.

– Там никого нет. Пусто.

– Да, пусто. Здесь теперь всегда так. И Марфы в нашем селе никакой нет. Жила тут неподалеку Марфа, но умерла уже лет пятнадцать как.

– Может, он не отсюда, не из Великорецкого?

Мария Афанасьевна резко повернулась к сыну.

– Да нет, Аркаша, именно отсюда. Как выглядел этот Ваня, на лице родинки не было?

Аркадий почувствовал, что у него по телу поползли мурашки.

– Да, была родинка большая, на левой щеке.

Мария Афанасьевна побледнела еще сильнее. Казалось, что она вот-вот упадет в обморок. Аркадий шагнул к ней, чтобы поддержать, но мать сама опустилась в кресло. В комнате повисло молчание.

– Я знаю этого мальчика, – наконец промолвила она. – Точнее, не его, а про него. После свадьбы мы приехали с твоим отцом в Великоорецкое из Москвы. Это был июль или самый конец июня. Когда подъезжали, я еще удивилась, как много вокруг цветущего иван-чая, целые поля. Помню, жара стояла страшная... А на следующий день он пропал.

– Кто пропал? – спросил глухо Аркадий, хотя уже начинал догадываться.

– Ваня пропал, сын Марфы. Несколько дней его искали, да без толку. Говорили, что волк его унес, их тогда много было тут. Это теперь леса почти все свели, а раньше они до самой Вязьмы тянулись, до Смоленска...

Аркадий никогда не верил в потустороннее. Друзья по университету не раз приглашали его на спиритические сеансы, повальное увлечение в столицах, но он всегда отказывался, считая спиритизм дураковалением и шарлатанством. И вот теперь он столкнулся с тем, что было совершенно невозможно объяснить с разумной точки зрения.

– Мама, а вы видели Ваню потом, после того как он исчез? – задал вопрос Аркадий, боясь услышать ответ.

Мария Афанасьевна странно на него посмотрела, как будто опасаясь, что сын сочтет ее не в своем уме. Потом, наконец, собравшись с духом, промолвила:

- Да, видела. И не раз. Но он никогда не пытался говорить со мной. Наверное, он хочет что-то тебе сказать.

Аркадий не знал, что ей ответить. Сама по себе идея, что призрак пытается с ним общаться, казалась ему абсурдной. Если бы кто-то сказал ему нечто подобное еще вчера, он бы поднял такого человека на смех. Но теперь все было по-другому. Он сам видел Ваню, мальчика, исчезнувшего до его рождения, и даже говорил с ним.

Мария Афанасьевна допила херес и немного успокоилась.

– Завтра же отправимся к нашему священнику. Думаю, так будет правильно. А теперь пойдем, Аркаша, спать.

Аркадий пошел в свою спальню и долго стоял у окна. Яркий свет луны заливал окрестные поля, и снег искрился так, как это бывает только за городом. «Пусто, – подумал Аркадий. – Странно, что опять это слово пришло мне на ум».

Он лег в постель, но сон не шел. Стоило закрыть глаза, как перед ним всплывало лицо мальчика. Так он проворочался почти до утра.

На следующий день Аркадий проснулся поздно, почти в три пополудни. Сначала ему показалось, что вчерашняя встреча – это просто дурной сон. Но через мгновение, вспомнив детали странного разговора, понял, что все это было наяву. Выйдя из спальни, он столкнулся с матерью, которая собиралась в церковь.

– Ты к отцу Сергию пойдешь? – спросила она Аркадия, как будто опасаясь, что тот откажется.

– Да, мама, сейчас только оденусь, – ответил Аркадий.

В церкви никого не оказалось. Священник отправился к себе, его дом располагался рядом, на границе усадебного парка. Мария Афанасьевна постучалась, и дверь почти тут же отворилась. Перед ними стоял довольно молодой человек, лет тридцати, с окладистой русой бородой и аккуратной прической. На нем был темно-серый подрясник, из-под которого выглядывали начищенные сапоги. Видимо, он куда-то собирался.

– Батюшка, это мой сын, Аркадий Васильевич, – представила Мария Афанасьевна Аркадия, поздоровавшись.

Аркадий знал, что ему следует попросить благословения у батюшки, но ограничился поклоном.

В доме было жарко, топилась большая печь, на которой стояли чугунок и старый медный чайник. Отец Сергей пригласил гостей присесть и предложил чаю.

Мария Афанасьевна начала издалека. Она рассказала, что очень давно в их селе пропал мальчик, которого долго искали, но не нашли. И нужно отслужить службу об упокоении его души.

Отец Сергей, внимательно глядя ей в глаза, спросил, почему вдруг она вспомнила об этом мальчишке, ведь прошло так много лет. Ответить было непросто, ведь церковь отрицает существование призраков. Поэтому Марии Афанасьевне казалось, что нужно найти такой ответ, который не покажется священнику кошунственным. Аркадий же решил, что не следует ходить вокруг да около.

– Батюшка, я вчера видел то, что, по моему мнению, является призраком пропавшего ребенка, и он говорил со мной. Что, по-вашему, нам следует сделать?

Отец Сергей посмотрел на Аркадия с некоторым удивлением.

– Я слышал подобные истории от многих тут, но ни с кем дух не пытался разговаривать... Что он вам поведал?

Аркадий начал пересказывать разговор с Ваней и вдруг понял, о чем тот говорил.

– Он утонул! – воскликнул Аркадий. – Никакой волк его не утаскивал! Ваня сказал, что он там, где вода. Может, он на дне Скородынки? Мама, там его искали?

– Конечно, искали. И у мельницы тогда тоже баграми прощупали все дно. Да и всплыл бы, наверное. Утопленники ведь всегда всплывают.

Отец Сергей покачал головой.

– Не следует слушать то, что говорят духи. Это не Ваня, а демон с вами разговаривал, Аркадий Васильевич. Идите домой и не волнуйтесь. Буду молиться сегодня за вас. И вы, Мария Афанасьевна, тоже успокойтесь. Демоны боятся святого слова.

Солнце клонилось к закату. Аркадий с матерью, выйдя от священника, направились в сторону Скородынки к мосту. Лед сковал воду вдоль берегов, оставив на белом покрывале снега лишь несколько черных, как антрацит, промоин. Несмотря на сильные морозы последних дней, река под старым мостом не замерзла из-за быстрого течения. Стоя на берегу, они слушали ее негромкое умиротворяющее журчание. Над заснеженной равниной стояла тишина, лишь где-то в стороне в соседней деревне изредка лаяли собаки.

Беседа с батюшкой не принесла успокоения. Аркадий с самого начала полагал, что священник вряд ли чем-то сможет им помочь. Мария Афанасьевна молчала и лишь изредка сжимала руку сына.

Подходя к усадьбе, они увидели, что в одном из окон на втором этаже теплится слабый огонек, как будто в глубине комнаты горела свеча. Это показалось Аркадию странным – днем они свечей не зажигали, а кроме них в доме никого не должно было быть. Возвращения Дарьи, их служанки, ждали не раньше, чем через несколько дней. Но когда они подошли к усадьбе, свет исчез.

«Наверное, отражение луны в стекле.» – подумал Аркадий. Он успокаивал себя этой мыслью, хотя такое объяснение и казалось не очень правдоподобным. Свет, казалось, шел изнутри дома.

Они открыли дверь, и вдруг Аркадий почувствовал необъяснимый страх, который, казалось, сжимал душу, сковывал движения и заставлял сердце учащенно биться. Раньше с ним такого никогда не случалось. На улице надрывно залаял Мордан и стал рвать цепь.

Аркадий обратил внимание, что мать тоже нервничает, будто боится переступить порог собственного дома. Она стояла, прижавшись к косяку, не решаясь сделать шаг вперед.

– Мама, заходите, дом совсем остынет, – сказал Аркадий деланно бодрым голосом. – Сейчас зажжем свечи, будем ужинать.

Мария Афанасьевна стряхнула оцепенение и шагнула внутрь.

– Аркаша, давай возьмем Мордана, а то холодно ему в будке в такой-то мороз. Мерзнет пес, старый ведь.

Аркадий не помнил, чтобы Мордана когда-нибудь пускали в дом, еще отец говорил, что место пса на улице. Но сейчас эта мысль показалась ему не такой уж плохой. Собаки, конечно, в отличие от кошек, по народным поверьям, призраков не видят, однако само присутствие Мордана должно было дать им некоторое успокоение. Он спустился с крыльца и, сняв цепь, повел Мордана в дом за ошейник. Старый пес шел сначала охотно, однако на пороге он заупрямился и стал упираться, поджимал лапы и тихонько скулил. Аркадий все-таки смог затащить его внутрь и запер дверь. Мария Афанасьевна уже зажгла керосиновую лампу, и терраса осветилась неровным светом. Мордан лег у стола, его большая голова с вислыми ушами лежала на лапах. Он внимательно наблюдал за тем, чем заняты хозяева.

– Пойду, в гостиной камин растоплю, а то как-то зябко, – сказал Аркадий, взял подсвечник с огарком свечи и зажег ее. Пройдя длинным коридором мимо своей спальни, он вошел в гостиную, на стенах которой висели картины со сценами охоты и портреты его деда Василия в парадной генеральской форме и прадеда Алексея, построившего усадьбу и Никольский храм. Паркет при каждом шаге тихо поскрипывал. Свеча в руке Аркадия горела ярко, на стенах двигались тени.

Ночью небо над Великорецким затянуло низкими тучами, и пошел мелкий колючий снег. Луна, так ярко светившая еще вечером, скрылась, и за окном опустился мрак, даже со стороны города нельзя было разглядеть ни единого огонька. Казалось, что кто-то недобрый закрасил зимний небосвод темной краской. На усадьбу опустилась черная пустота, и казалось, что была она всепоглощающей и покрывала весь мир.

Аркадий долго укладывал в камине дрова, рвал с них бересту. Растапливать камин он умел с детства. Процесс срывания бересты со старых поленьев его успокаивал. Кора рвалась мелкими неровными ключьями, но минут за пять он смог собрать ее достаточно, чтобы разжечь огонь. В каминной трубе при порывах ветра возникали низкие звуки, гул усиливался акустикой большого зала и разносился по всему дому. Пламя занялось, и тени на стенах задвигались проворнее. За спиной Аркадия послышался тихий цокот когтей по паркету. Мордан подошел к хозяину и лег перед камином, повернувшись боком к огню.

- Ну давай, погрейся, - сказал Аркадий и потрепал пса за ухом.

Тут его внимание привлек странный звук со второго этажа. Казалось, кто-то маленький и проворный бегаёт по дому. Через несколько секунд послышался звон разбившейся посуды. Аркадий вздрогнул и посмотрел на Мордана. Пес вскочил, шерсть на загривке вздыбилась, и через секунду он выскочил из комнаты на лестницу и помчался наверх. Аркадий бросился за ним с подсвечником в руке, но Мордан на середине лестницы остановился и, тихо поскуливая, на полусогнутых лапах побежал вниз. Аркадий вновь почувствовал тот же страх, который испытал, входя вечером в дом, но какая-то сила заставила его подняться. Он толкнул дверь, и она отворилась с тихим скрипом. Посредине комнаты стоял тот же мальчик, смотрел исподлобья и ничего не говорил. Аркадий увидел, что волосы ребенка мокрые и ему показалось, что с них свисают водоросли.

– Ваня, ты зачем вчера ушел? – Аркадий по-прежнему не мог до конца поверить, что перед ним призрак.

Мальчик молчал. Казалось, что он не понимал, для чего оказался здесь, в барском доме. На лестнице скрипнула ступенька. Услышав звук, Аркадий оглянулся. На пороге стояла бледная мать, она вся дрожала.

– Аркаша, отойди от него, прошу тебя. Не говори с ним, до добра не доведет. Умоляю!

Аркадий бросился к Марии Афанасьевне и услышал за спиной:

– Она все знает. Спроси ее. Пусть расскажет.

Аркадий повернулся. Комната была пуста, мальчик исчез. На том месте, где он стоял, растеклась вода. Аркадий коснулся лужицы рукой. Вода холодила пальцы и пахла тиной.

Они молча спустились в гостиную. Камин разгорелся, и от огня шло тепло, заполнявшее весь зал. Мария Афанасьевна села в старое кресло напротив камина, вытянула руки к огню. Они слегка подрагивали. Было видно, что испуг прошел еще не до конца.

– Мама, о чем он? Что вы знаете? – спросил Аркадий. Ему было не по себе даже не от встречи с духом, а от того, что мать скрывает от него какую-то важную тайну.

– Ничего я не знаю, Аркаша. Да и что я могу знать об этом мальчике, он пропал сразу, как мы приехали с отцом в имение. Марфа, его мать, как будто помешалась... К ведуньям разным ходила. И в Великорецком, и даже куда-то далеко ездила, вроде в Шалово. Там жила какая-то блаженная, сказала, что Ваня не мертвый, но и не живой. Как это понимать?

На потолке плясали тени. Аркадий смотрел на пламя.

– Да, – произнес он, – не мертвый... не живой... И эта блаженная, – он посмотрел на мать. – Надо с ней поговорить. Она жива?

– Не думаю, Аркаша, столько лет прошло... Тебе было всего года два или три. Не стоит ехать туда. До Шалово далеко, верст пятнадцать, не меньше, да и холодает опять.

– Ничего, мама, лошади у нас хорошие, да и Митька ту дорогу знает.

Мать пожала плечами, ей явно не нравилась эта затея, но возражать она не стала.

В трубе завывал ветер, в камине потрескивали дрова. Мордан вошел в гостиную и развалился перед огнем. Изредка он поднимал голову и смотрел на хозяев. Потом опять засыпал. От его ровного сопения Аркадия стало клонить в сон.

Мария Афанасьевна встала и удалилась в спальню. Аркадий помешал догорающие угли кочергой и прилег на диван.

ГЛАВА 2

Вьюга бушевала до утра, на рассвете сильный ветер разогнал тучи, и выглянуло низкое декабрьское солнце. Заросший парк выглядел уже не так угрюмо. На высоких верхушках деревьев искрился снег, дорожки оказались заметены так, что стали почти незаметны. На снежном покрывале лежали черные тени от кленовых стволов, рисуя причудливый орнамент.

После завтрака Аркадий решил отправиться в Шалово, может, блаженная все-таки жива. Ему не давала покоя мысль, что вся эта история с мальчиком как-то связана с его семьей. Он попрощался с матерью, надел старую бобровую шубу и зашагал по снежной целине к крестьянским домам. Подойдя к избе Митьки-кучера, он увидел белесый дымок над трубой, подслеповатое оконце было завешено тканью. Аркадий постучал.

Дверь открылась. Митька, мужичок маленького роста с рыжими, давно не стриженными волосами, появился на пороге дома. Выйдя из темной избы, он щурился от яркого света.

– Здравствуйте, барин, – произнес он сиплым застуженным голосом и поклонился. – Вам чего? Ехать куда надоть?

– Здравствуй, Митька. Мне в Шалово нужно попасть. Но ты же вроде болеешь... Могу и завтра поехать.

– Вы, барин, не сумлевайтесь, коли надо ехать, так поедем. Чичас токо оденусь. Вы до избы заходите, не то застудитесь. Мороз-то нонче дюже крепкий, как бы яблони не померзли.

Аркадий шагнул за Митькой и сел на лавку. Про себя он отметил, что хотя Митька и жил бобылем, в доме было прибрано. Перед иконой Казанской Богоматери в медном окладе горела лампада, пол в отличие от большинства крестьянских домов был не земляной, а покрытый оструганными досками. Мебель была грубая, самодельная, но аккуратная.

Кучер натянул валенки, надел армяк и шапку из овчины, больше похожую на папаху, почти закрывавшую глаза.

– Едемте, барин.

Аркадий закурил папиросу и смотрел, как Митька ловко запрягает лошадей в сани. Позавчера он не успел толком их рассмотреть. Это был небольшой аккуратный возок с изогнутой спинкой, украшенной затейливым узором. Внизу была заботливо насыпана сухая солома, чтобы в поездке ноги не мерзли.

Аркадий сел и укрылся пологом из овчины.

– Дорога дальняя, барин. Ну да ничего, доберемся с божьей помощью, – сказал кучер, усаживаясь на облучок. Потом щелкнул кнутом и крикнул:

– Ноо, пошли...

Лошади потянули, сани тронулись с едва слышным скрипом, заскользили вдоль русла Скородынки, укрытого снегом. Теперь на реке не было видно промоин, видимо мороз победил быструю воду. Выехав на дорогу, ведущую к Мещовску, Митька спросил:

– Как поедем, барин? Можем махнуть по тракту через город. Или напрямки, но там лес густющий по дороге, не дай боже заблукать в такой-то мороз.

– Давай по тракту, так вернее будет. День короткий, хорошо бы засветло нам возвратиться.

Они свернули в село Серебряно, мимо проплыла древняя Успенская церковь. Когда-то это была вотчина бояр Лопухиных, и здесь родилась первая жена Петра Великого, Евдокия. Сейчас село пришло в упадок, боярские палаты разрушились, виднелись только вросшие в землю крестьянские избенки.

Глядя на унылый пейзаж, Аркадий размышлял о вчерашнем происшествии. Ему вдруг подумалось, что напрасно он ввязался во все это.

«Какое Шалово, какая блаженная? – думал он. – К чему все это? Через несколько дней меня здесь уже не будет, и вернусь я, дай бог, через полгода. Так недалеко и до спиритизма дойти... Я же нормальный человек, в духов не верю», – убеждал Аркадий сам себя, но, впрочем, без особого успеха.

За Михайловкой тракт повернул влево. По обеим сторонам дороги стояли засыпанные снегом строевые сосны. Аркадий достал часы. Было уже почти три пополудни. До ночи вернуться они, скорее всего, уже не успеют. Ярко-синее зимнее небо начали затягивать облака. Солнце то выходило, то скрывалось. Поднялся сильный северный ветер, сбрасывавший снег с деревьев и задувавший под полог. Где-то в глубине леса раздался сильный треск, старая сосна не выдержала порывов ветра и упала с глухим стуком на промерзшую землю.

Кучер повернул к Аркадию красное от мороза лицо с заиндеветыми ресницами.

– Обрато ехать, барин, будет тяжко, ветрище-то какой... страсть...

Аркадий уже был не рад, что отправился так далеко в такую-то погоду. «Да и мать волноваться будет, если не приедем назад сегодня. Ну уж как придется».

А погода все ухудшалась. Ветер свистел в кронах деревьев, пошел мелкий злой снег, коловший лицо, забивавшийся под воротник. Въехав на пригорок, Митька крикнул:

– Шалово впереди. Почти приехали.

Через снежные заряды Аркадий увидел вдалеке нечеткий силуэт высокой церкви и услышал, как ему показалось, далекий колокольный звон. «Почудилось?»

На окраине села они свернули влево к ближайшей избе, в окне которой был замечен огонек. Вход в сени занесло, и Аркадий стал отгребать снег ногами. Вдруг дверь открылась. На пороге стоял сгорбленный старик в грубой поддевке. Его спутанные седые волосы обрамляли морщинистое лицо. Аркадий поздоровался. Старик жестом пригласил войти.

– Вы по какой надобности к нам? Погода-то какая, недолго и замерзнуть. Давно таких буранов не было, ой давно. Дороги, поди, все замело. Вы, небось, чаю хотите, с морозу-то...

Аркадий, слушая старика, подумал, что тому, похоже, и поговорить не с кем. Казалось, что тот рад непрошеным гостям, невесть как взявшимся у дома в такую пургу.

– Меня Михал Трофимыч звать, бывший волостной старшина. А теперь я старый, не гожусь ни на что... Так чай-то будете? – старик вопросительно посмотрел на Аркадия.

Аркадий, хотя и торопился найти блаженную, о которой рассказала ему мать, от чая решил не отказываться. Он замерз, не чувствовал пальцев, а на щеках ощущал неприятное пощипывание, как при легком обморожении.

– Да, спасибо за приглашение. Можно и чаю.

Старик вышел в сени и принялся растапливать самовар. В открытую дверь шмыгнула небольшая бело-рыжая кошка. Увидев незнакомцев, быстро побежала и запрыгнула на печку.

Михаил Трофимович вернулся в комнату, плотно прикрыл дверь.

– Сейчас-сейчас, вот закипит, и будем чаек пить.

На лавке Аркадий заметил старую газету, «Калужские губернские ведомости». Старик перехватил его взгляд.

– Да, грамоте обучен, а как без грамоты-то волостному старшине. Сейчас детишек читать учу. А вы кто такие будете?

Аркадий вспомнил, что не представился.

– Аркадий Васильевич Протопопов, студент из Москвы. Приехал к матери в Великорецкое.

Глаза старика оживились.

– Так вы, видать, сын Василия Васильевича, помещика из Великорецкого? Знавал, знавал. Крестьяне его уважали, добрый был. Народ не обижал. Царствия небесного...

Аркадий почувствовал, что старик говорит от души, а не просто для того, чтобы поддержать разговор или сделать ему приятное. Его отец действительно считался среди помещиков помещичьего сословия либералом.

Аркадия стало клонить в дрему, он отогрелся, и теперь по всему телу разливалась приятная ломота.

Старик начал накрывать на стол, достал чашки с блюдцами. Аркадия удивило, что были они не из дешевых, с позолоченными ободками и узорами. Это было необычно, крестьяне, как правило, использовали простую глиняную посуду. Он перевернул одну из них. На дне стояло яркое клеймо лазоревого цвета «Фабрика Гарднеръ в Москве».

Заметив, что Аркадий с интересом рассматривает чашку, Михаил Трофимович улыбнулся.

– За беспорочную службу подарок. От нашего помещика, Александра Павловича, он нас тоже не обижал, как и ваш батюшка.

Чай пили молча, вприкуску с колотым сахаром. Аркадий подумал, что вернуться в Велюкорецкое им сегодня не судьба. Крестьяне ложились рано, а ведь надо было поговорить с блаженной, коли жива еще. Плохо было то, что он даже не знал ее имени.

– Михаил Трофимович, хочу вас спросить... Здесь в Шалово лет двадцать назад была одна блаженная...

Старик оторвался от блюда, которое держал на растопыренных узловатых пальцах, посмотрел на Аркадия. Казалось, что вопрос его не удивил.

– Да, была, Акулиной звали. Не блаженная, а ведунья. Померла лет десять назад, за погостом похоронили. Дочка ее осталась, Марья, через четыре дома от меня живет. Вы зачем Акулину-то искали? Спросить чего хотели? У Марьи тоже дар есть, от матери, видать, передался.

Аркадий на секунду замешкался. Он не знал, что именно следовало отвечать. Не расскажешь же старику про духа, который ему является.

– Мама сказала, что у нее можно много чего узнать, – пробормотал Аркадий, не глядя старику в глаза.

– Теперь не узнаете уж, наверное. Вам про дела сердешные послушать, небось, интересно. А Марья все больше с покойниками говорит.

Аркадий почувствовал странное волнение внутри, услышав, что старуха разговаривает с мертвыми. На секунду Аркадий опять засомневался в том, правильно ли он сделал, что поехал в Шалово. А вдруг ему и не нужно раскрывать эту тайну? «Зачем? Может, лучше оставить все как есть?» Но он тут же отбросил эту мысль.

– Я, – сказал он, – хотел у Акулины как раз про мертвых узнать. Намедни видел в своем имени призрака мальчика маленького, и он со мной говорил. Лет семь – восемь ему. Ваней назвался.

Старик, услышав имя, изменился в лице. Казалось, что оно в мгновение потемнело, черты стали более резкими.

– Что он еще сказал? Может родителей своих поминал? Или еще чего?

Аркадий, глядя себе под ноги, тихо произнес:

– Сказал, что сын Марфы из Велюкорецкого, крестьянки. Она тоже умерла давно, лет пятнадцать назад. Матушка моя говорит, что Марфа эта искала сына долго, к Акулине ходила...

Михаил Трофимович вдруг тихо заплакал, слезы стекали по морщинистым щекам в седую бороду. Закрыв лицо руками и раскачивался из стороны в сторону.

– Марфушка, сестренка моя... Ваня...

В избе повисла тишина, только было слышно, как за печью скребла мышь, да снаружи неистово завывал злой ветер и бросал снег в темное окно.

– Она его долго искала..., да так и не нашла, – тихо, почти неслышно произнес Михаил Трофимович.

– Мама говорила, что волки его разорвали, ей, по крайней мере, так сказали. Но я хочу узнать, что же с ним действительно случилось. Акулина-то знала, наверное, раз Марфа у нее была.

Старик посмотрел на Аркадия покрасневшими глазами.

– Марфа тогда ничего мне не рассказывала. Она тут, почитай, никогда и не оставалась, сразу обратно возвращалась, в Великорецкое. Сказала однажды только, что волки тут не при чем. Человек убил Ваню, а потом спрятал, чтобы не нашли.

– А кто убил, Акулина не баила? – вмешался в разговор Митька.

– Нет, – покачал головой старик. – Или, может, Марфа решила не рассказывать.

Аркадий перебирал причины, по которым Ваню могли убить. Может он видел чужое преступление? Или он сам совершил что-то такое, за что могут лишиться жизни? А может его убили в отместку Марфе?

– Михаил Трофимович, я хотел бы поговорить с Марьей. Может ей мать что-то рассказывала. Проводите нас к ней?

Старик опять покачал головой.

– Да поздно уже, спит она, поди. Здесь рано ложатся, особенно зимой. Утром ходим. А вы заночуйте у меня, возвращаться по такой погоде опасно. Вчера поблизости опять волков видали, они сейчас голодные... На прошлой неделе один в Зеновке, это через поле отсюда, залез в овчарню, двух овец зарезал.

Аркадий стал было отнекиваться, мол, неудобно, недалеко на тракте есть постоянный двор, но в глубине души был благодарен старику. «У него в избе чисто, а на постоянном дворе клопы спать не дадут». Старик, между тем, настаивал.

– До постоянного двора еще добратся надо, тут версты полторы, а то и две. И ехать опять же через лес. Оставайтесь. Не стесните меня.

Аркадию постелили на хозяйской кровати в соседней комнате, вход в которую был завешен белой ситцевой занавеской. Оказавшись там, Аркадий с удивлением обнаружил застекленную горку. На верхней полке лежал псалтырь, по виду очень старый. Кожаный переплет наполовину истлел.

– Это тоже подарок, – пояснил старик, кивнув на горку.

Кошка забежала следом и запрыгнула на кровать. Михаил Трофимович аккуратно взял ее и спустил на пол.

– Не мешай, гость устал, пускай поспит.

Та особо не противилась, стала умываться, изредка поглядывая с интересом на незнакомого человека.

Над кроватью Аркадий увидел необычный, явно старинный предмет в грубо сколоченной деревянной рамке. С небольшой круглой пластины из светло-серого металла скалилась морда волка. Казалось, что он живой и глядит Аркадию прямо в душу.

– Михаил Трофимович, а что это у вас тут, на стене?

– Где...? А, это... Подарок отца моего. Нашел, видать. Он бугровщиком был, хотя и не особо удачливым. Знаете, Аркадий Васильевич, кто такие бугровщики? В прошлом веке много их тут было. Граф Уваров раскопал несколько древних курганов у Нигвы, да бросил. А мужики местные потом долго еще рыли, золото искали. Вот их бугровщиками и называли. И отец копал, разбогатеть хотел. А золото никто так и не нашел, нету тут этого золота. Давайте уже спать, поздно...

Старик задул свечу, и в комнате стало темно.

Аркадию снилось странное. Он стоит на берегу реки, рядом с мостом. Лето, скорее всего, июль. Жара, на небе ни облачка, воздух наполнен гулом шмелей и пчел, собирающих нектар с малиновых цветков иван-чая. Он тут везде, насколько хватает глаз. Внизу поблескивает черная вода и в ней отражаются мелкие кусты ракитника, растущие у самой кромки берега. По поверх-

ности неслышно скользят водомерки. Вот чуть в стороне что-то громко плеснуло. «Большая, – подумал Аркадий. – Откуда здесь такая крупная рыба?». Один из кустов ракиты склонился к самой воде, ее ветви касаются поверхности. Когда дует ветерок, на воде появляется легкая рябь. Аркадий поворачивается, собираясь идти домой. Перед ним стоит маленький мальчик и пристально смотрит ему в глаза. Он в мокрой, прилипшей к телу рубахе. В волосах запутались водоросли и тина, с них течет вода. Аркадию не страшно, он как будто давно знает этого ребенка.

– Аркаша, не уходи, мне здесь скучно и совсем не с кем играть, только Жюль иногда приходит, но с ним неинтересно. Он не играет, только стоит на берегу и иногда плачет. Однажды он мне вот что подарил.

Мальчик протянул Аркадию какой-то маленький предмет. Аркадий взял из холодной мокрой ручки кружок серо-коричного цвета. Это была старая форменная пуговица с цифрой 30 посередине.

– Жюль хороший, не злой. Он тоже хотел бы уйти отсюда, но не может. Ему здесь не нравится, говорит, что пусто тут.

Аркадий внезапно проснулся от того, что что-то мягкое бесшумно запрыгнуло на кровать, послышалось тихое мурчание. Кошка, которой надоело сидеть на холодном полу, решила погреться и легла у ног Аркадия.

Аркадий опять погрузился в сон. Он стоял на берегу той же реки, но погода резко изменилась. Бушевала гроза, сверкали молнии, оглушительные раскаты грома, казалось, не замолкали ни на секунду. Порывы ветра пригибали к земле заросли иван-чая, трепали ветви раки, срывая с них листья. У самого берега Аркадий заметил светлое размытое пятно. Оно медленно перемещалось в его сторону. Из воды показалась рука, схватилась за ветку – это был Ваня. Мальчик выбрался на берег, с его одежды ручьями стекала вода.

– Братец, не оставляй меня здесь, не уходи, пожалуйста, – прошептал он.

При вспышке молнии Аркадий увидел на виске у Вани какое-то темное пятно. «Может, испачкался чем, берега-то илистые», – подумал Аркадий. Ваня вдруг исчез...

Аркадий открыл глаза, в окно светило яркое зимнее солнце. Он вышел из комнаты и увидел, что Михаил Трофимович несет из сеней дымящийся самовар. Митька уже сидел за столом и от нечего делать рассматривал заскорузлые ногти на руках.

– Доброе утро, Аркадий Васильевич, хотя на дворе уже день, – поприветствовал его хозяин. – Сейчас чайку попьем и пойдем к Марье. Погода-то какая... холодно только. И снегу намело, с трудом дверь открыл. А так бы и остались у меня до весны, – усмехнулся он.

Выпив чаю, пахнущего березовым дымом, они стали собираться. Аркадий с неудовольствием почувствовал, что его бурки, в которые накануне забился снег, высохли не до конца и холодили ноги. И сон не выходил у него из головы. «Братец? Может, это просто такое обращение?» Он не раз слышал, как его отец, обращаясь к дворне, говорил: «Ну что же ты, братец, опять напился?» «Но все равно странно. Хотя как этот маленький мальчик может быть моим братом? Немыслимо».

Старшая сестра Аркадия жила с мужем в Петербурге, но братьев не было, даже двоюродных. Род Протопоповых угасал, его дядя Николай был бездетен, а тетка Елена умерла в молодом возрасте от дифтерии. Детей у нее не было, она даже замуж не успела выйти. Ее могила, украшенная красивой мраморной скульптурой скорбящего ангела, находилась в парке, недалеко от усадьбы. Дед Василий очень любил дочь и пригласил итальянского скульптора, который долго жил в поместье, создавая памятник, который по замыслу деда должен был стать копией его любимой Елены. Дед, пока был жив, часто подолгу стоял у ее могилы. Аркадий однажды видел, как тот, суровый отставной генерал, плачет. По завещанию деда его похоронили рядом с могилой дочери.

Под конец жизни дед мало с кем общался, почти не выезжал из имения, куда переселился после выхода в отставку в самом конце прошлого века. Единственным неродным человеком, по-настоящему привязанным к нему, несмотря на тяжелый дедов нрав, был денщик Прохор. Дед про себя шутил, что он во всем следует примеру генералиссимуса Суворова, даже денщик у него тоже Прошка. Тот умер в Великорецком вскоре после деда. Отец Аркадия, который знал его много лет, иногда ходил на могилу Прохора на кладбище около Никольской церкви.

Аркадий вышел из избы, неторопливо достал из кармана шубы коробку папирос и закурил. Предложил папиросу и Михаилу Трофимовичу, тот с интересом глянул на коробку:

– «Зефир», – произнес он. – Александр Павлович, царствие ему небесное, такие же курил. А я вот не курю давно, хотя раньше много смолил... ой много, махорку у нас тут хорошую растят, даже на ярмарках продают, и на мешовской, и на барятинской! Слышал, что хотели в Москву везти, но передумали почему-то...

Они пошли по заметенной глубоким снегом единственной улице Шалова по направлению к храму. Светило солнце, и от деревьев на сверкающий снег ложились пересекающиеся тени. Из-за заборов брехали собаки, и их лай далеко разносился над окрестными полями. Аркадий вдруг увидел цепочку крупных следов. Они наискосок пересекали улицу и вели в поле.

– Михаил Трофимович, чьи это следы? – спросил Аркадий.

– Чьи-чьи, волчьи, – ответил старик. В его голосе слышалась тревога. – В этом годе они еще до Юрия Холодного к домам подбираться стали.

Аркадий, не очень хорошо разбиравшийся в народных праздниках, взглянул на старика.

– Девятого декабря празднуется, – пояснил Михаил Трофимович. – Но это только один волк, а рассказывают про большую стаю. Ночами сейчас ох как опасно ездить... Дорога на Мосальск-то совсем глухая, хоть и старая. Деревень до самого, почитай, Воронина нет, а это верст десять, а то и поболее. Да и обратно, в сторону Мешовска, места глуховатые.

Они подошли к небольшой избе, вросшей в землю настолько, что единственное оконце едва выглядывало из сугроба. Из покосившейся выщербленной трубы тянулся к небу прозрачный дымок. Было видно, что сегодня из дома никто не выходил, снег у неплотно прикрытой дощатой двери был нетронутым.

Михаил Трофимович, обогнав Аркадия, подошел и громко постучал.

– Марья, ты дома?

Никто не ответил. Он еще раз постучал, потом дернул дверь. Та немного приотворилась, мешал снег. Старик отгреб его от двери и им удалось войти. В холодных сенях сильно пахло кислой капустой.

На печи сидела сгорбленная старуха. Ее седые космы были похожие на паклю, лицо, покрытое глубокими морщинами, напоминало кору старого дерева, губы запали, а глаз закрывало большое бельмо. Из-под ног Аркадия метнулась курица, захлопала крыльями и взлетела на печь.

– Ну здравствуй, Марья, – почти прокричал Михаил Трофимович и сел на лавку.

Аркадий и Митька тоже поздоровались.

– Громче говорите, она совсем глухая, – сказал Михаил Трофимович. – Ты как живешь, Марья? Вот к тебе человек приехал, спросить чего-то хочет. Про Акулину, про старые времена.

Старуха с трудом слезла с печки, кое-как доковыляла до лавки. Было видно, что каждое движение дается ей непросто.

Аркадий не знал с чего начать. Его смущало присутствие Михаила Трофимовича и кучера, а старуха до сих пор не произнесла ни одного звука. Казалось, та не только глухая, но и немая. Вдруг она громко закричала:

– Здравствуй, Миша, хорошо живу я, очень даже хорошо, – и, обращаясь к Аркадию, – а ты кто будешь?

Аркадий подумал, что надо представиться как-то покороче, без чинов.

– Аркадий, из Великорецкого, – произнес он, глядя на старуху. Ее бельмо мешало ему сосредоточиться.

Старуха внимательно посмотрела на Аркадия, потом обратилась к Михаилу Трофимовичу и Митьке:

– А вы выйдите, да не подслушивайте, мне с бариним поговорить надобно.

Аркадий услышал, как со скрипом закрылась дверь, они остались одни. В печи потрескивали дрова. Дверца прилегала неплотно, дым попадал в комнату, и казалось, что изба топится по-черному.

– Видала я тебя, барин, – сказала старуха и громко засмеялась. Ее смех напоминал сорочий клекот. – Миша, небось, баял тебе, что посильнее матери-то буду? Я ведь не только с покойниками говорю, я и прошлое вижу, и будущее. Ко мне многие приезжают. Даже с Петербурха самого однажды люди были. Важные господа... Про Гришку все спрашивали, старца святого. Да никакой он не святой! Хлыст, черт сибирский. Демон в нем сидит, истину говорю, демон. Он и царя-батюшку нашего погубит, и семью его.

Аркадий понял, что она говорит про Распутина.

Марья вдруг уставилась на Аркадия своим единственным глазом. От этого взгляда ему стало не по себе.

– Вот ты хороший человек, вижу, что хороший. Но страшно тебе, покойники приходят, пугают... А ты не бойся их, Ваня не страшный, да и Жуль тоже. Али ты Жуля еще не видал? Он тоже в Великорецком у вас. Да они там не одни, такое уж место. У вас дубы есть старые. Ведьмы, колдуны от века собираются у них, еще со времен дохристовых. Много там душ у вас неприкаянных. А Ваню жалко, он все-таки брат твой, хоть и матери у вас разные. Да, видать, не судьба была вам на этом свете увидеться.

Аркадий побледнел, вспомнил странный сон, голова стала тяжелой, как будто чугуном налитой.

– Ты его не гони, – продолжила старуха. – Марфа его сколько лет искала... Мать-то моя, Акулина, ничем ей не помогла. Ваня с ней говорить не захотел, а со мной говорит. Рассказал, как его убили и кто убил. Мать твоя, Мария, про убийство случайно проведала. Тебе говорить не хочет, боится. Скажи ей имя Прохор.

Старуха замолчала, куталась в зипун. Печь топилась, но в комнате все равно было холодно.

– Иди, дорожку теперь ко мне знаешь, можешь приезжать, когда пожелаешь. Чаю в следующий раз мне привези да пряников, только чтоб мягкие были...

Старуха опять умолкла. Казалось, она сказала Аркадию все, что хотела. Он поднялся, поблагодарил и собрался уходить.

Вдруг старуха снова заговорила:

– Дар у тебя есть теперь, не знаю, как это получилось, но есть. Еще несколько дней назад не было, а теперь появился. Это все Великорецкое... Будешь мертвых видеть, разговаривать с ними. Не бойся, они плохого не сделают. Не отталкивай их, они тебе помогут, и не раз. Души-то много чего про прошлое знают, да и про будущее. Все, иди теперь.

Аркадий медленно вышел и оперся о стену. Дар, о котором сказала Марья, показался ему проклятием. «Зачем я вообще поехал сюда, зачем пошел к Марье? Лучше бы все оставалось, как прежде. Вернуться бы в Москву, в университет...» Он закурил, но дым был горьким, отвратительным настолько, что он выкинул недокуренную папиросу. Упав в снег, она с тихим шипением погасла. Краем глаза он увидел в окне лицо Марьи, та что-то кричала. Аркадий подошел к окну.

– Война будет скоро, барин, большая война, какой досель не бывало. Море, окиян крови прольется по всей земле. Многие души мертвых узрешь при жизни...

Аркадий плохо помнил, как дошел до дома Михаила Трофимовича, как пили чай, как он прощался, как садился в возок...

Они миновали Михайловку, дорога свернула к Мещовску. Небо заволокло низкими тучами, потемнело. Вдруг невдалеке раздался громкий вой. Сначала выл один волк, потом к нему присоединились другие. Лошади перешли на галоп, страх подгонял их. В перелеске чуть впереди между деревьев бесшумно скользили тени. Стая волков бежала наперерез саням. Их расчет был прост – перехватить путников на подъеме, где лошади замедлят бег. Аркадий увидел, что волки уже совсем близко, когда услышал топот тяжелых копыт. Шум нарастал. Волчий вожак остановился и громко завыл, потом повернулся и бросился за холм. Стая последовала за ним. В опустившемся на землю сумраке Аркадий заметил десятки призрачных всадников. Они неслись сквозь густой лес, как по ровному полю, в развернутом боевом строю, готовясь атаковать противника. Он видел пригнувшиеся в седлах фигуры с пиками, за спиной у них были белые крылья. Аркадий, любивший в детстве рассматривать книги деда по военной истории, видел такое на картинке в романе о Смутном времени – польские крылатые гусары. Они не раз бывали в этих местах, но давно, лет триста тому назад, когда вся эта земля еще была под Польшей и Литвой. Только что они спасли ему жизнь. Кучер, не видевший всадников и не слышавший топота копыт, истово крестился и все повторял:

– Бог отвел, бог отвел.

ГЛАВА 3

В Великорецкое они въехали в полной темноте. Аркадий вылез у крыльца усадьбы и увидел, что Мария Афанасьевна сидит на террасе при свечах. Мать открыла дверь – она была бледна, а глаза заплаканы. На столе Аркадий заметил старый молитвенник.

– Аркаша, милый, как же я за тебя испугалась! Думала, что вас волки разорвали. Ночью в доме опять были какие-то странные звуки, шаги... Я Мордана к себе взяла, так и просидела с ним всю ночь без сна. Даже камин не топила. Жаль, Даша до сих пор не вернулась. Без нее как без рук, ни приготовить, ни убрать некому. Ну что, ты видел эту блаженную?

Аркадий не знал, с чего начать, но самое главное, не понимал, как сказать матери об убийстве Вани.

– Да, мама, встретились мы с ней. Точнее не с той блаженной, Акулиной, она давно умерла, а с ее дочерью, Марьей. Она тоже ведунья, с мертвыми говорить может, прошлое видеть... Она про Ваню мне рассказала.

Аркадий искоса глянул на мать, которая заваривала свой любимый чай. Его Аркадий тоже привез в подарок. Он знал, что мать предпочитает именно этот сорт, а в Мещовске его не продавали. Чай он купил на Мясницкой в украшенном позолоченными китайскими иероглифами магазине Перлова.

– И что же она тебе, Аркаша, рассказала? – спросила Мария Афанасьевна. В ее голосе чувствовалось волнение.

Аркадий решил, что разговор лучше отложить до утра: мать и так была сильно напугана его долгим отсутствием.

– Мама, я очень устал... Дорога выдалась тяжелая. Давайте завтра об этом поговорим, а сейчас чаю попьем, и я пойду спать, а то вчера остановились в крестьянской избе, не выспался. Не люблю ночевать в чужих местах...

Мария Афанасьевна поцеловала сына в макушку.

– Как же хорошо, что ты вернулся. Мне было так страшно... Не делай так больше, пожалуйста, никогда.

Аркадий почувствовал, что напряжение, копившееся последние дни, не отпускает. Он допил чай, пожелал матери спокойной ночи и пошел в спальню. Он намеревался немного почитать перед сном и взял со стола огарок свечи.

Аркадий открыл дверь и от неожиданности вздрогнул, увидев в углу темную фигуру. Ему стало не по себе, по телу поползли мурашки. В колеблющемся свете свечи он рассмотрел, что это был человек невысокого роста в старой французской офицерской форме эпохи Наполеона. На бледном лице незнакомца Аркадий заметил след сабельного удара, наискось пересекавший лоб. Его темные волосы были спутаны, и казалось, что они густо пропитаны кровью. Человек шагнул навстречу Аркадию.

– Bonjour monsieur! Capitaine Jules Beau. Trentième Régiment d'Infanterie de Ligne.

Аркадий давно не слышал французской речи, но понял, что это капитан Жюль Бо из тридцатого полка линейной пехоты.

Капитан повернулся к стене. Стена вдруг стала светлеть, на ней стали проступать сначала неясные, а потом все более четкие контуры. Аркадий понял, что местность ему знакома. Это было Великорецкое, но какое-то другое. Вот русло Скородынки с мостом, но он как будто новый, вот Никольский храм, но недостроенный, без колокольни, вот крестьянские избы с покосившимися изгородями над речкой... На заснеженном поле перед мостом он увидел суетящихся французских пехотинцев и среди них капитана. Вдоль реки на них неслись русские уланы. Было видно, что французов застали врасплох, и они не успели построиться в каре. Нача-

лась рубка, в которой шансов уцелеть у них не было. Картина растаяла. Капитан повернулся к Аркадию.

– Как видите, я теперь ваш сосед, хотя и не сильно рад этому. Подозреваю, вы тоже. Если уж погибать, то лучше было бы лежать где-нибудь под Ваграмом или Аустерлицем, а не здесь, среди этой пустоты. Но, *c'est la vie*², хотя, с учетом обстоятельств, звучит довольно иронично... – он грустно улыбнулся. – У меня к вам просьба, похороните по-человечески меня и моих людей. И пригласите кюре. Нашу могилу я вам покажу, здесь совсем рядом. Не поймите превратно, но мне хотелось бы поскорее покинуть ваш край. Задержался я тут.

Аркадия удивило, что капитан так свободно перешел на русский язык. Говорил он с почти неуловимым акцентом. Заметив это удивление, тот усмехнулся.

– У мертвых нет проблем с языками, на каком нужно, на таком и говорим. Поскольку сейчас зима и раскапывать нашу могилу будет затруднительно, я, с вашего позволения, останусь здесь до весны. Я необременительный сосед, смею вас уверить, сильно беспокоить не буду.

Свеча вспыхнула и погасла. Аркадий зажег спичку и увидел, что капитана в комнате больше нет.

Аркадий быстро разделся и лег. Читать ему расхотелось. «Что рассказать матушке о беседе с Марьей?»

Он повернулся к стене, сон не шел. Вдруг он почувствовал, что в комнате кто-то есть. Аркадий повернулся и сел на кровати. Рядом стоял Ваня.

– Ты куда ездил? – спросил он своим тонким голоском, глядя Аркадию в глаза.

– К Марье, дочке Акулины, в Шалово ездил.

– К Марье? И что она тебе сказала?

Аркадий понял, что старуха раскрыла ему далеко не все. «Да, Ваню убили, но кто? Прохор? И зачем? Кто еще в этом участвовал?»

– Марья сказала, что тебя убили. Но кто, не говорила. Назвала только имя Прохор.

Мальчик смотрел на Аркадия, в его глазах застыли слезы.

– Мне мамку жалко было, так она убивалась, так плакала... Я все видел, но передать ничего ей не мог. Акулина злая была, а Марья добрая, я через нее с мамкой бы разговаривал. Прошка меня убил. Но не только он ...

В дверь постучали. От неожиданности Аркадий вздрогнул, но по стуку догадался, что это мама.

– Войдите, – крикнул он, накидывая халат.

Дверь отворилась, на пороге стояла Мария Афанасьевна со свечой в руках. Ваня исчез. Только на полу остались два влажных следа, тускневшие прямо на глазах.

– Аркаша, ты с кем говорил? – спросила Мария Афанасьевна с тревогой в голосе.

– Ваня опять приходил, – сказал Аркадий и заметил на лице матери сильный испуг. – Есть еще одно, о чем я хотел вас спросить. Мне Марья из Шалова сказала, что вы что-то знаете о Прохоре, дедовом денщике. Он, якобы, как-то связан со смертью Вани.

В первую секунду Аркадию показалось, что мать хватил апоплексический удар. Подсвечник выпал из ее руки и с грохотом покатился по паркетному полу. Все погрузилось во тьму. Мария Афанасьевна грузно осела на пол. Аркадий долго пытался зажечь свечу, но от волнения руки дрожали, спички ломались, сера отлетала. Наконец он справился, и свеча загорелась. Лицо матери было мертвенно-бледным, глаза закрыты. Аркадий попытался найти пульс, он едва прощупывался. Ей срочно был нужен доктор, но врача в Великорецком не было. Он вспомнил, что в Мещовске практикует доктор Иоганн Шварц, обрусевший немец. Аркадий знал, где тот живет с тех пор, как заболел отец. Тот часто брал его с собой в город. После посещения врача они заходили в магазин, где Аркадию покупали игрушку или сладости. С

² Такова жизнь

тех пор прошло много лет, но доктор, возможно, жил все в том же своем маленьком доме на Почтовой улице.

Аркадий выбежал из усадьбы. Ближе всего к имению стоял дом отца Сергея, свет в его окнах не горел. Аркадий постучал, потом еще и еще. Наконец дверь открылась. На пороге стоял священник, было видно, что Аркадий его разбудил.

– Батюшка, у мамы, кажется, удар! Мне нужно ехать за доктором в город, не могли бы вы побыть с ней до нашего возвращения? У нас дома никого.

– Удар? Какое горе! Конечно, не беспокойтесь, сию минуту оденусь.

Аркадий с нетерпением ждал, пока отец Сергей облачится в подрясник и накинёт тулуп.

– Пойдемте же, скорее!

Аркадий боялся, что мать не переживет удара, но когда они вошли в комнату, то с удивлением обнаружили, что Мария Афанасьевна пришла в сознание.

Аркадий бросился к ней.

– Мама, как вы меня напугали, я думал у вас удар! Нужно срочно съездить в город за доктором Шварцем, пускай он вас осмотрит.

– Не стоит, Аркаша, все уже вроде прошло, - произнесла Мария Афанасьевна со слабой улыбкой. – За доктором можно и завтра отправить. А пока выпью капли ...

Отец Сергей перетаптывался у двери, не зная, уходить ему или остаться. Мария Афанасьевна нашлась.

– Вы, батюшка, проходите, угостим вас хересом.

Отец Сергей отказываться не стал.

Аркадий решил больше не поднимать вопрос о Прохоре до следующего утра, поэтому, проводив отца Сергея до двери, пошел спать.

На следующее утро Аркадий заглянул к матери. Солнечный свет пробивался сквозь темные портьеры. Мария Афанасьевна крепко спала, капли с хересом успокоили ее. Рядом с кроватью лежал Мордан, он осваивал новое место, и оно ему явно нравилось. Аркадий прикрыл дверь и вышел на террасу. Солнце заливало окрестные поля, крест на колокольне ярко блестел, приближалось Рождество.

Аркадий подумал, что доктора к матери все-таки стоит позвать, поэтому решил после завтрака отправиться в город. Кроме того, он хотел купить подарки. Этим утром потеплело, и мысль отвлечься, прогулявшись пешком, показалась Аркадию привлекательной. Путь лежал мимо храма через поле к окраине Мещовска. Аркадий вышел на мост и сразу увидел, что внизу что-то чернеет. Он присмотрелся. На заснеженном льду рядом с полузатянувшейся полыньей лежал детский полушубок. Аркадий бросился к ближайшему дому, куда вела тропинка.

– Откройте! Откройте! Несчастье ...

Дверь распахнулась. На крыльцо выскочил крестьянин.

– Там, на реке, утонул кто-то... полушубок на льду, – выпалил Аркадий, переводя дух. – Детский...

Мужик, не говоря ни слова, побежал к реке, Аркадий за ним. У берега он обогнал мужика и первым съехал вниз по крутому берегу. Почти у самой кромки Аркадий подвернул ногу и оказался на льду. Он был уверен, что лед его выдержит, несколько дней в Великорецком стояли сильные морозы, но вдруг под ногами закрипело, по льду поползли трещины, и Аркадий почувствовал, что проваливается. Странно, но погрузившись с головой в черную воду, холода он не почувствовал, напротив, ему стало жарко, как в бане. Через мгновение он вынырнул. Крестьянин метался по берегу, боясь спуститься на лед.

– Палку, палку неси, – закричал ему Аркадий, – не спускайся, лед не выдержит! Давай быстрее!

Мужик начал карабкаться по склону, а Аркадий попытался добраться до берега. Раньше ему казалось, что река здесь мелкая, но он никак не мог нащупать ногами дно и беспомощно

хватался за кромку льда, которая крошилась и резала руки. Наконец ему удалось дотянуться до свисавшей ветки ивы и подтянуться. Он выполз на берег и почувствовал, что замерзает. мех шубы покрылся ледяной глазурью, она при малейшем движении ломалась на сгибах и хрустела. На склоне, прыгая на одной ноге, он вылил из бурок воду. Надо было срочно возвращаться домой, чтобы согреться. «Визит к Иоганну Карловичу придется отложить», – с неудовольствием подумал Аркадий. Он не любил менять планы, но попасть в город до вечерней службы никак не получалось, а Мария Афанасьевна вряд ли одобрила бы его отсутствие, тем более под Рождество.

Тем временем у реки начал собираться народ. Несколько мужиков неловко толклись у кромки берега. Бабы обступили какую-то женщину в сером платке, та билась и что-то истерично кричала. Аркадий не видел ее лица, но понял, что это мать утонувшего ребенка. Он хотел было подойти, но ощутил сильный озноб. «Еще заболелю, – подумал он. – Сейчас совсем не к месту».

Аркадий тихо побрел к усадьбе, нога болела нестерпимо. Навстречу ему быстрым шагом, направлялся отец Сергей без шапки и в распахнутом тулупе, золотой наперсный крест мотался на его груди, как маятник.

– Что случилось, Аркадий Васильевич, утонул кто? Меня мальчишка позвал, толком ничего не объяснил.

Аркадий рассказал, что увидел на льду детский полушубок.

– Вот ведь беда, да под Рождество... Ох, грехи наши тяжкие.

Отец Сергей широко перекрестился.

– А вы, Аркадий Васильевич, ко мне идите, там отогрейтесь. Клавдия, кухарка моя, вам чаю приготовит. До усадьбы, конечно, рукой подать, но тут каждая секунда на счету. Как бы не простыть вам.

Аркадий поблагодарил священника, но отказался.

Подходя к усадьбе, он увидел у входа сани. Возле них суетился Митька, вытаскивал чемоданы. Аркадий не ждал гостей, но подумал, что, наверное, это кто-то из соседей заглянул к Марии Афанасьевне. «Хотя почему с вещами?» – удивленно подумал Аркадий. Он поднялся на крыльцо. Его шуба вконец замерзла и стояла колом. Ног Аркадий не чувствовал, а пальцы на руках посинели.

Он с трудом поднялся на крыльцо и зашел в дом.

На террасе никого не было, но из-за двери слышался оживленный разговор – мать с кем-то беседовала. Из дома на террасу вышел кучер.

– Ты кого привез, соседи в гости пожаловали?

Митька смотрел с удивлением на Аркадия, на его заледеневшую шубу, на промокшие бурки с прилипшим к ним снегом.

– Что случилось, барин, ужель в воду провалились? Небось по льду речку решили перейти? Зря, ой зря... Скородынка наша опосля того, как запрудили ее, почти и не замерзает, особенно у моста. И глубоко там стало, страсть. Утонуть можно. Кажинный год, почитай, теперь там тонут... А я на станцию ездил, привез Елену Афанасьевну, тетку вашу.

Аркадий поморщился. Елена Афанасьевна, родная сестра матери, жила в Москве и была замужем за чиновником, человеком крайне чванливым и неприятным. От него она умудрилась перенять все самое плохое, поэтому Аркадий старался по мере возможности избегать этого семейства. Когда он учился в гимназии, первый год жил у тетки. Этот период жизни он вспоминал с содроганием. И вот теперь она приехала сюда, в Великоорецкое, и, видимо, до конца рождественских праздников придется ее терпеть.

– Вам бы, барин, в баню, отогреться, – прервал Митька его мысли. – Может, пойти растопить? Я быстро.

– Да, Митька, спасибо, растопи, пожалуй, а то ни ног, ни рук уже не чувствую.

Кучер сбежал с крыльца, а Аркадий снял начавшую оттаивать шубу и зашел в гостиную.
– Аркаша, здравствуй, дорогой, – с деланной радостью произнесла Елена Афанасьевна неприятным высоким голосом. – А что с тобой случилось, почему ты мокрый, купался?

Теткин идиотский юмор раздражал Аркадия больше всего — он был даже хуже ее постоянного хвастовства.

– Здравствуйте, тетя, я не купался, у нас ребенок утонул... в речке. Пытался достать, но не получилось, – произнес Аркадий. – Пришлось поплавать.

– Господи, – вскрикнула Мария Афанасьевна, – срочно иди переодеваться. И в баню бы тебе хорошо, я Митьку попрошу растопить. Даша, кстати, уже вернулась, ужин готовит, пост-то заканчивается. Ты ко всеобщей сегодня пойдешь?

– Спасибо, мама, я уже попросил. Митька баню растапливает, а я пока переоденусь. Ко всеобщей конечно пойду.

Аркадий вышел из гостиной, хотел закурить, но папиросы и спички в кармане намокли.

В спальне царил полумрак. Аркадий снял с себя мокрое, достал из шкафа белье. За стеной он слышал оживленный разговор матери с теткой. Тетка, как всегда, хвасталась. На сей раз предметом гордости был новый дом, который ее муж приобрел в Большом Афанасьевском переулке около Арбата. Особенную радость ей доставляло то, что переулок был Афанасьевский.

– Представляешь, Маша, про меня будут говорить: это Елена Афанасьевна из Афанасьевского. Удивительно, правда?

Тетка была не большого ума.

Аркадий услышал тихие шаги за стеной, в дверь постучали.

– Барин, баня топится, приходите, – крикнул через дверь Митька. Шаги удалились.

«Сейчас бы поспать», – подумал Аркадий. На него навалилась слабость. «Сейчас подремлю полчаса и в баню пойду».

Проснулся он уже в темноте, видимо проспал долго. Аркадий вышел, в гостиной горели свечи, пахло пирогами. Он всегда любил этот запах. В детстве кухарка постоянно пекла пироги с капустой, с яблоками, с визигой... Аркадий больше всего любил с антоновкой, хотя отец считал, что начинка слишком кислая. Даже в Москве он всегда покупал пироги с яблоком, но вкус у них всегда был другой, не такой, как в детстве.

– Здравствуй, Дарья, – Аркадий поздоровался с высокой чуть полноватой женщиной лет сорока, накрывавшей на стол. Его всегда удивлял цвет ее глаз, темно-серый, как будто свинцовый. Дарья давно служила в их семье и уже стала почти своей. Она была родом из Местничей, небольшого села верстах в семи от Великорецкого, и всю жизнь работала у Протопоповых. Аркадий слышал, что к ней сватался Прохор, дедов денщик, но Дарья ему отказала.

– Здравствуйте, барин. Горе-то какое у нас случилось, слышали? Колька, сын Анфисы, утоп на речке. И как он там оказался? Странно-то до чего... У ейной сестрицы Марфы тоже сынок ведь сгинул, а где никто не знает.

Аркадий, услышав это, похолодел.

– А его нашли уже, Кольку этого?

– Да нет, какое там, речка глубокая. Теперь уж до весны, вот растает лед, найдется, наверное. Рыбы только бедного объедят...

Аркадий поежился. Он начинал чувствовать недомогание, его знобило. «Зря я не пошел в баню, теперь уже поздно – подумал он, и тут пришла другая мысль. – Неужели все это не случайно? Неужели смерти этих двоих как-то связаны друг с другом?» Он попытался отогнать ее, но она все равно не уходила.

– Аркаша, собирайся, нам в храм пора, – услышал он голос матери. Та стояла в дверях гостиной в своем самом нарядном платье и изящной шляпке с черной вуалью. – Одевайся уже, опоздаем.

Аркадий вошел в спальню, оделся. Озноб усиливался. «Лучше бы мне, наверное, не идти на службу, но мама обидится».

– Пойдемте, – сказал Аркадий, выходя из комнаты. Мария Афанасьевна с сестрой уже стояли у выхода. Здесь же крутился Мордан.

– Маша, почему у вас собака в доме? – спросила Елена Афанасьевна своим противным голосом. – Тем более при гостях. Пускай идет в свою будку. Ты же знаешь, как я не люблю собак и этот запах противный...

Аркадию больших усилий стоило не нагрубить тетке, но он сдержался, не хотел расстраивать мать.

– Пойдем, Мордан, – сказал он псу. Тот завилял хвостом, ткнулся головой хозяину в руку. На улице Аркадий посадил Мордана на цепь, погладил. – Ты на нее не обижайся, она дура. Уедет через пару дней, опять в дом вернешься.

Они шли по дорожке в сторону храма, Елена Афанасьевна болтала без умолку. Аркадий даже не пытался вслушиваться, решил пойти вперед. Возле храма стояли растерянные прихожане. Аркадий протиснулся к дверям, дернул за ручку. Дверь была заперта.

– Ты куда, барин? – услышал он из толпы. – Батюшки нет еще, от Анфисы не вернулся. Утешает, горе у нее страшное, сын утоп.

Аркадий, услышав эти слова, опять вздрогнул. Озноб не проходил, только усиливался, голова его потяжелела, ноги как будто налились свинцом. Он почувствовал, что отстоять службу он точно не сможет, сил не хватит.

– Мама, я, похоже, все-таки заболел после сегодняшнего купания, – сказал он подошедшей к церкви матери. – Не обижайтесь, но я не останусь на службу, вернусь домой. Извинитесь за меня перед отцом Сергием.

Мария Афанасьевна приложила губы к его лбу.

– Ты весь горишь, у тебя жар! Немедленно иди домой и ложись в постель. Мы как вернемся со службы, чего-нибудь придумаем. А рано утром Митька пускай съездит в город, за Иоганном Карловичем.

ГЛАВА 4

Аркадий возвращался по той же тропинке. Навстречу ему в сторону храма шли крестьяне, но около дома никого не было. Луна ярко освещала усадьбу, окружающие постройки и поле за ней. Стояла тишина, которую не нарушал ни единый звук.

– Как же здесь тихо, – произнес про себя Аркадий, – и пусто.

В это мгновение он услышал тихий хруст снега, будто кто-то подкрадывался. Мордан выскочил из будки и громко зарычал, начал рваться с цепи. Аркадий оглянулся. На него с расстояния не более десяти шагов смотрел волк. Это был огромный зверь с белой, как снег, шкурой. Свет луны отражался в его темно-желтых глазах, цветом напоминавших янтарь. Волк задрав голову, громко завыл. Аркадий ожидал ответного воя стаи, но ничего не услышал. Волк замолк на мгновение, потом опять завыл.

Мордан перестал рваться, поджал хвост и попятился в будку.

«Сейчас прыгнет, – подумал Аркадий, – а у меня ничего нет, ни ружья, ни даже палки...»

Зверь смотрел на Аркадия, и тому вдруг почудилось, что глаза у того не волчьи. Казалось, что своим воем тот хочет что-то ему передать.

Внезапно волк развернулся и большими прыжками побежал в поле, уже через минуту он исчез из виду.

Аркадий, тяжело ступая, подошел к будке, позвал Мордана. Тот вылез, виновато глядя на хозяина.

– Ну что же ты Мордашка, сбежать хотел? Страшно тебе было? И мне тоже страшно. Даже очень. Пойдем, плевать, что тетка думает...

Отперев дверь, Аркадий вошел в темный дом. Мордан последовал за ним, потерся о ногу, будто извинялся. Аркадий зажег свечи, прошел в гостиную. Он хотел растопить камин, но вдруг его как будто придавило, и он почувствовал, что вот-вот лишится сил. «Видимо сильно я простыл, вот незадача». Аркадий направился в спальню.

«Пойду прилягу, – подумал он. – Служба нескоро закончится. Мать, наверное, пригласит отца Сергея, надо немного прийти в себя».

Зайдя в свою спальню, он увидел темную фигуру французского капитана.

– Я вижу, месье, что вы себя плохо чувствуете после сегодняшнего купания. Немудрено, не бережете себя. Как вам волк? Согласитесь, необычный. Вы ведь его раньше здесь не встречали? А, между тем, он тут давно живет, сильно дольше вас, да и меня тоже. Ваши древние предки, вятичи и голядь, поклонялись ему, считали, что он может общаться и с живыми, и с мертвыми. Вы, наверное, не знали, что небесным покровителем волков считается Николай Чудотворец, в честь которого ваш прадед построил здесь храм? Поразительно, не правда ли! Не стоит рассказывать вашей матери и особенно ее сестре об этой встрече. Они перепугаются. У вашего народа, да, впрочем, и у моего тоже, волк всегда считался символом зла. Кстати, о зло. Оно, как вам ни покажется странным, отсюда никогда и не уходило. Такое уж тут место...

Аркадий не мог пошевелиться, он чувствовал себя как в детстве, когда играли в замри-отомри, обездвиженным истуканом. Он стоял, слушал капитана и, сквозь появившийся в голове шум, силился понять, о каком зло тот говорит. Страх, испытываемый им с матерью все эти дни, который они пытались скрыть, был действительно какого-то особого рода. Ничего подобного он раньше не чувствовал. Но что это было? Какая-то злая сущность или дьявольская игра воображения?

– Капитан, скажите, а это зло только в этом доме или во всей округе? – выдавил он из себя и не узнал своего голоса. – Великорецкое ведь старое, говорят, ему несколько веков...

Капитан засмеялся.

– Несколько веков? Какой вздор... Люди здесь жили и тысячу лет назад. Вы наверняка слышали предание про дубы, где ведьмы собираются? Думаете, это началось двести лет назад или когда ваша семья тут усадьбу построила? Конечно же нет! То зло, о котором я говорю, древнее, значительно старше этого села. Оно тут со времен тех самых вятичей и голяди. Великорецкому просто не повезло, место люди выбрали для строительства неудачное, с позволения сказать, – усмехнулся капитан. – Здесь было капище Велеса, скотьего бога, как его называли. Скотьего... Действительно смешно... Приносили жертвы ему тоже тут, на берегу речки этой вашей, Скородынки, многие века. А Велес довольно злой бог. Он часто в волка превращается, как и волхвы, ему прислуживающие. И кровь он любит... очень.

Капитан замолчал и стал внимательно смотреть на Аркадия. Тот не знал, что и сказать, но почувствовал, что руки и ноги его опять слушаются. Он пошевелил пальцами, постарался сделать это незаметно и силился вспомнить, что Марья говорила ему про ведьмины дубы около Великорецкого, но где именно, она не сказала... Да, впрочем, и важно ли это? Аркадий закрыл глаза, ему стало жарко.

– И вот еще что интересно, – продолжил капитан. – Голядь – люди не совсем обычные для этих мест. Я вот порассуждал сам с собой, времени-то у меня, как вы понимаете, полно, и пришел к выводу, что от других местных племен они разительно отличались. Возьмите принятие христианства... Люди в этом краю веками молились своим богам, детей собственных в жертву им приносили, а потом князь новую веру принял, и все. Идолов в реки поскидывали, сами крестились... Как у вас говорят, что ни поп, то батька. А вот голядь совсем другое дело. За свою языческую веру и землю держались до конца. Крепко держались... Велес был их верховным богом. Они его еще Велс вначале называли, когда сюда с берегов Балтики пришли.

«А ведь действительно странно», – подумал Аркадий. Он открыл глаза, но капитана уже не было.

В доме было тихо, только часы с кукушкой отбивали время... Аркадий лег на постель и задремал. Проснувшись, он вышел из спальни, но дома по-прежнему никого не было.

Мать с теткой еще не вернулись, и он начал беспокоиться, выглянул в окно. Пусто, лишь снег пошел. Его крупные хлопья падали на дорожку, на крышу флигеля, устилали окрестности ровным белым покрывалом. Аркадий вышел на крыльцо, кругом было тихо, только сердце громко стучало.

Аркадий пригляделся, ему померещилось какое-то движение на поле. Он напряг зрение. По полю беззвучно скользили быстрые тени. Три, нет, четыре, нет, пять или шесть... Донесся волчий вой, и опять все стихло.

На тропинке послышались шаги и веселый смех. Аркадий увидел, что от храма идут мать с теткой, а за ними отец Сергей. Мария Афанасьевна, увидев сына на крыльце, забеспокоилась.

– Аркаша, что же ты тут стоишь? Замерзнешь, тебе нельзя, еще сильнее простынешь. Иди в дом. Надо бы тебе чаю сделать с медом. Ложись в постель. А где Даша?

Аркадий вспомнил, что Дарья была с ними, когда они шли на службу.

– Так она же с нами, вроде, пошла в храм.

Мария Афанасьевна с удивлением посмотрела на сына.

– А ведь и правда, но в церкви мы ее не видели. Она в парке от нас отстала. Наверное, скоро придет. Не гуляет же она по такому холоду.

На террасу с улицы вошла Дарья, ее лицо покраснелось от мороза, платок и одежда были запорошены снегом.

– Не догнала вас, Мария Афанасьевна.

– Даша, приготовь Аркадию Васильевичу чаю с медом. А то он, похоже, заболел, нужно согреться хорошенько.

Дарья послушно кивнула и пошла на кухню. Аркадию опять захотелось лечь, но до этого он решил расспросить отца Сергия о сегодняшнем происшествии, как так получилось, что ребенок утонул.

Дарья подала ужин в гостиной. В середине комнаты стоял большой дубовый стол, привезенный в имение дедом Василием из Петербурга лет тридцать назад. Его массивные ножки казались непропорционально толстыми, поэтому отец Аркадия называл его гиппопотамом. Он любил давать предметам разные забавные имена. Теперь Аркадий думал об этом, как о чем-то странном, но в детстве он с радостью повторял за отцом эти необычные названия.

Они расселись. Аркадий пил чай, слушал разговоры. Тетка, как и всегда, болтала без умолку, легко перескакивая с темы на тему. Было видно, что ей нравится внимание со стороны провинциалов, живущих в глуши, вдали от блеска столиц. Она рассказала, как они с мужем ездили в Санкт-Петербург и видели на Гороховой Распутина, как они были на балу, который должен был посетить сам государь император, и хотя царь в конечном итоге так и не появился, бал был, несомненно, великолепный. Не могла она не упомянуть в сотый раз и о новом доме в Москве. Отец Сергей рассеяно ковырял вилкой ростбиф, попивал красное вино, привезенное теткой. Аркадий плохо разбирался в винах, но ему показалось, что это было недорогое. Тетка, похоже, сэкономила.

После чая Аркадию стало немного легче, хотя глаза по-прежнему болели, а голова была тяжелой. Когда Елена Афанасьевна, наконец, замолчала, он обратился к отцу Сергию.

– Батюшка, что сегодня в деревне произошло, как утонул мальчик? Странно как-то, зачем бы ему идти на реку зимой?

Отец Сергей помолчал, потом отпил вина из бокала.

– Даже и не знаю, Аркадий Васильевич. Мать мальчика по дому хлопотала, ничего не видела. Отец его на отхожем промысле в Брянске сейчас. Их сосед сказал, что Коля этот, утопленник, пошел на реку за какой-то крупной белой собакой. Ее тут никогда не видели...

– За белой собакой? – Аркадий не мог поверить своим ушам.

– Да, представьте себе, за собакой. Там на берегу даже следы остались, просто огромные. Исполинский, судя по всему, был пес. Может, тоже утонул вместе с Колей?

У Аркадия кровь прилила к голове.

– Вряд ли он утонул, – только и смог выговорить он. – Что-то мне не очень хорошо. С вашего позволения, откланяюсь. Спокойной ночи.

Аркадий зашел в спальню. Голова гудела, в груди сдавливало.

– Нужно ложиться спать, – сказал сам себе Аркадий и рухнул на кровать, забывшись тяжелым сном. Шум в соседней комнате ему не мешал.

Ему снился странный сон. На большой поляне среди дубового леса, примыкающего к реке, стоял огромный грубо отесанный деревянный столб с вырезанным на нем суровым лицом старика. У того была длинная борода и усы, свисавшие почти до плеч. Рядом с идолом сидел огромный белый волк с янтарными глазами. На поляне он также увидел людей, они стояли на коленях. На их лицах застыло странное выражение, смесь обожания и страха. Все они смотрели на волка, который вдруг задрал морду к небу и громко завыл. Все пали ниц.

Сон внезапно кончился. Аркадий открыл глаза и увидел, что рядом стоит Ваня и беззвучно плачет.

Аркадий хотел с ним заговорить, но не мог.

Ваня увидел, что Аркадий смотрит на него, вытер рукавом глаза.

– Ваня, Марфа, Коля, Анфиса, Авдей, Любовь.

Аркадию сначала показалось, что дух называет случайные имена, но вдруг понял, что первое и третье соответствуют именам уже погибших детей, а второе и четвертое были именами их матерей, которые, к тому же были сестрами.

– Ваня, кто такой Авдей? – спросил Аркадий, хотя начинал догадываться. Но мальчик исчез.

Аркадий сел на постели, свесил ноги. Если его догадка была правильной, есть еще один мальчик, Авдей, которому грозит смертельная опасность, и он как-то связан с уже погибшими детьми.

За окном начало светать.

Аркадий дождался завтрака, который Дарья накрыла довольно поздно. Мария Афанасьевна вышла к столу почти в полдень. По случаю приезда гостей был сварен кофе, хозяйка пила его довольно редко. Аркадий кофе не любил, особенно черный, поэтому ему подали чай с лимоном. Чувствовал он себя еще хуже, чем накануне. К боли в голове прибавился сильный кашель. Температура отказывалась падать, его постоянно знобило. Мария Афанасьевна позвала Дарью.

– Даша, прошу тебя, сходи к Митьке, пускай съездит к Иоганну Карловичу, привезет его. Аркаше сильно нездоровится. И пусть еще лимонов купит в городе.

– Мама, а где Елена Афанасьевна? – спросил Аркадий. Ему показалось странным, что та до сих пор не встала. Когда он жил у тетки, та всегда будила его рано утром.

– Видно, не просыпалась еще, мы почти до утра засиделись. Пускай спит, не могу по десятому разу слушать эти ее рассказы. Здесь как-то попроще жизнь, чем в столицах. Да и Распутина нет.

Мария Афанасьевна тихо рассмеялась. Аркадий покосился на нее и спросил:

– Мама, а у нас в селе среди крестьян есть Любовь, мать Авдея?

– Не знаю, Аркаша, Любовь, кажется, есть. Старушка, к отцу Сергию в храм постоянно приходит... Но сына у нее нет точно. Хотя я ведь не всех по именам знаю. А что такое?

– Да просто спросил, мама. Митька все какую-то Любовь поминал, может и не отсюда...

Аркадий поднялся из-за стола.

– Пойду погуляю немного, может, полегче станет. А то тяжело как-то. Воздуха мало. Может, в храм зайду, свечку поставлю.

– Что ты. Нельзя тебе гулять в твоём-то состоянии. Лежи, скоро доктор приедет. Не дай бог температура еще поднимется. Пойди лучше почитай, что ли...

Аркадий подумал, что мать, наверное, права. Самочувствие его ухудшалось, кашель становился почти непереносимым. Он поднялся на второй этаж, зашел в библиотеку. Здесь пахло пылью, как часто бывает в помещениях, где хранятся старые книги. Не глядя, вытащил первую попавшуюся, развернутую корешком внутрь. На кожаном переплете названия не оказалось. Он раскрыл книгу. На титульном листе прочитал: «Вятичи и голядь Поугорья и верховьев Оки. Профессор Московского университета Иван Константинович Тихомиров. 1879 г.». В книге была закладка. Со страницы, которую раскрыл Аркадий, на него смотрел крупный белый волк. Подпись под рисунком гласила «Волчий царь голяди».

Профессор Тихомиров провел большую работу, объездив в середине прошлого века всю Калужскую губернию, собирая предания местного населения, но, судя по всему, не особо преуспел. Фактического материала было мало, в основном книга состояла из пересказа легенд и сказаний. Однако о волчьем царе он кое-что узнал. Аркадий прочитал, что белый волк, по словам крестьян, это жестокий волхв-оборотень, способный читать мысли других. В сказаниях также упоминалась его мстительность и хитрость. Аркадий сел в кресло, голова гудела, как после нокаута. Ему было сложно сосредоточиться.

Вдруг из соседней комнаты, где стояло купленное дедом механическое пианино, он услышал громкую музыку. Парарам-парарам-парарам-пам-пам, парарам-парарам-парарам-пам-пам... Аркадий узнал мелодию, это был «Марш Радецкого» Иоганна Штрауса-старшего, отца короля вальсов. Дед любил этот марш и часто слушал его, считая одним из высших достижений военной музыки. Пианино дед купил в Москве и привез в имение незадолго до своей кон-

чины. Это был массивный инструмент, выпущенный в Германии фирмой «Блютнер». После смерти деда пианино почти не использовалось, да и в комнате этой никто давно не бывал. Поэтому, когда Аркадий вошел, то увидел, что крышку инструмента покрывает толстый слой пыли. Катушки с записанной на них музыкой хранились в шкафу, его тоже не открывали много лет.

Аркадий выключил пианино, извлек катушку и убрал в шкаф. Дверца была немного перекошена и закрывалась неплотно, поэтому он запер ее на ключ.

И тут снизу раздался истошный вопль. Кричала Мария Афанасьевна. Аркадий бросился вниз, зацепился ногой за ступеньку и чуть не упал. Мать стояла у двери в спальню Елены Афанасьевны, зажав рот рукой. На ее лице был написан неподдельный ужас. Аркадий заглянул внутрь. Тетка лежала на полу около смятой кровати, ее глаза и рот были широко открыты, казалось, что она увидела нечто настолько страшное, что сердце не выдержало.

В дверь на террасе постучали, и через минуту в коридоре в сопровождении Дарьи появился доктор Шварц. Это был пожилой мужчина лет семидесяти, невысокий, лысоватый. На кончике носа у него были круглые очки в металлической оправе. Казалось, что они вот-вот свалятся. Доктор практиковал в Мещовске уже почти полвека и был хорошо знаком с семьей Протопоповых, лечил еще деда Аркадия, Василия, от подагры, от последствий которой тот, впрочем, и умер.

Заметив в проеме двери Аркадия, он двинулся к нему.

– Ну-с, где наш больной? Вы, Аркадий Васильевич, совсем большой стали. Помните, как я вас лечил в детстве?

Только тут доктор заметил выражение лица Марии Афанасьевны и распростертое тело на полу. Дарья, заглянув в комнату, страшно закричала. Аркадий, обращаясь к Шварцу, сказал:

– Доктор, осмотрите, пожалуйста, тетю. Со мной разберемся попозже. Наверное, нужно полицию вызвать. Дарья, скажи Митьке, пускай едет в Мещовск, исправника позовет.

Доктор посмотрел на него поверх очков.

– Конечно, сейчас осматрю, но и так могу сказать, что это разрыв сердца. Что-то или кто-то, видно, сильно ее напугал. Что бы это могло быть?

Аркадий не нашелся, что сказать. Он понимал, что, возможно, косвенно виноват в смерти тетки. Нужно было ее предупредить о странных явлениях в доме, а еще лучше отправить сразу обратно, в Москву.

Полиция приехала довольно скоро. В дом вошел уездный исправник, Николай Николаевич Протасов, с двумя урядниками. Он хорошо знал доктора Шварца, тот не раз помогал полиции осматривать подозрительные трупы, хотя в Мещовске они появлялись нечасто. Последний раз убийство случилось несколько лет назад, когда девицу мещанского сословия обнаружили на берегу Туреи с разможенной камнем головой. Убийцу тогда так и не нашли.

Исправник обратился к Шварцу:

– Ну что, Иоганн Карлович, скажете - это убийство?

– Да, нет, Николай Николаевич, подозреваю разрыв сердца. Видимо, покойная испугалась чего-то слишком сильно.

– И чего же она могла так испугаться, что померла? – спросил исправник, глядя на Аркадия, будто подозревая его в чем-то.

– Понятия не имею, господин исправник, – спокойно ответил Аркадий, глядя ему прямо в глаза. – Особых причин для испуга, как мне кажется, не было.

Протасов, впрочем, вполне удовлетворился этим ответом.

– Труп надо перевезти в морг, потом решим, что дальше делать. Надо бы вскрытие провести...

Тут вступилась Мария Афанасьевна:

– Это моя сестра, Елена Афанасьевна, супруга Петра Александровича Панина, действительного статского советника. Вряд ли, Николай Николаевич, он будет рад тому, что его жену будут вскрывать в нашем богом забытом Мещовске. Давайте отправим ее в Москву.

Исправник задумался. С одной стороны, ему не хотелось неприятностей от мужа усопшей, с другой, у него оставались подозрения относительно истинной причины ее смерти. Наконец, стремление к спокойной жизни в нем пересилило.

– Да, Мария Афанасьевна, давайте отправим тело. Пускай они там сами разбираются. Сани позже пришлем.

Полицейские вышли, доктор Шварц повернулся к Аркадию.

– Давайте я вас осмотрю, голубчик. Ваш вид положительно мне не нравится. У вас жар и кашель. Как же вы умудрились так сильно простыть?

Аркадий рассказал доктору, как накануне провалился в реку.

– И что же, вы сразу в баню не пошли? Не бережете вы себя, ох не бережете.

Доктор достал стетоскоп, долго слушал, вздыхал.

– Бронхит у вас, Аркадий Васильевич, сильный бронхит. Вам на улицу теперь никак нельзя, сидите дома, за порог ни шагу. Сейчас выпишу вам порошки, пусть привезут из аптеки. Вы слышали, Мария Афанасьевна, хорошая новая аптека открылась в городе? Право, не хуже, чем в Калуге.

Доктор засобирался. Мария Афанасьевна из вежливости пригласила его остаться на обед.

– Не могу, Мария Афанасьевна, пациенты ждут. Рад бы, да не могу.

Доктор ушел. Аркадий вновь поднялся наверх, взял книгу профессора Тихомирова. Он хотел повнимательнее ознакомиться с ней, вдруг еще что-то там есть про волчьего царя. К большому сожалению, никаких новых упоминаний о нем в книге не оказалось. Аркадий вспомнил, что дед одно время, выйдя в отставку, интересовался историей, выписывал книги из Санкт-Петербурга и Москвы. Изредка наезжая в Калугу, он там тоже покупал издания по этой теме. «Наверное, они сохранились в библиотеке. Надо бы покопаться тут, вдруг еще что-то есть, – подумал Аркадий. – Пока сижу дома, поищу».

Через два часа приехал урядник, тело Елены Афанасьевны вынесли, положили в сани и увезли. Аркадий с матерью вышли на крыльцо.

– Вам, мама, лучше в Москву поехать. Тетю хоронить будут, вам бы хорошо проститься с ней. А я тут побуду, Дарья за мной присмотрит, не волнуйтесь.

Мария Афанасьевна немного помолчала.

– Да, наверное, так будет лучше. Только дай слово, что никуда из дома ни ногой. Лечись, Митька лекарства завтра тебе из города доставит, когда меня на станцию отвезет, – она вздохнула. – Пойду собираться. Завтра поеду.

Проходя мимо спальни, где умерла Елена Афанасьевна, мать на секунду остановилась, перекрестилась и притворила дверь.

Аркадий решил не дожидаться следующего дня, чтобы начать поиски Авдея. Он зашел в комнату матери, которая собирала вещи, готовясь к завтрашней поездке. На ее кровати были разложены платья, в том числе черное, в котором она хоронила отца.

– Мама, хочу послать за отцом Сергием, мне с ним поговорить очень нужно. Вы не против?

– Конечно, нет, Аркаша, он друг семьи. А о чем ты хочешь с ним поговорить?

Аркадий решил не рассказывать матери о последнем разговоре с духом Вани, она и так была на грани нервной истерики, поэтому он не хотел линий раз ее волновать.

– Хочу посмотреть метрические книги, изучить историю нашей семьи. Батюшка, может, что-то подскажет. Там не всегда хороший почерк, бывает трудно разобрать.

Мария Афанасьевна удивилась – раньше Аркадий никогда не интересовался своим генеалогическим древом, но возражать не стала.

– Попроси Дарью, пусть ходит за бабушкой, заодно угостим его обедом.

Вскоре в дверь усадьбы раздался стук. Мария Афанасьевна пошла открывать, Аркадий последовал за ней. На крыльце стоял отец Сергей, его лицо покраснело от мороза.

– Мария Афанасьевна, голубушка, мне Даша рассказала о вашем несчастье. Держитесь, Елена Афанасьевна сейчас с Господом...

Мария Афанасьевна заплакала, по щекам потекли крупные слезы.

– Не отчаивайтесь, – тихо произнес священник, – на все божий промысел... Я буду усердно молиться за нее... И вы молитесь тоже. Господь молитвы слышит... Сестра ваша очень хорошая была женщина.

Аркадий с удивлением глянул на отца Сергия, но было видно, что тот говорит от души.

Мария Афанасьевна вернулась к себе, отец Сергей и Аркадий остались вдвоем на террасе.

– Я тут Анфису проведал, мать утопленника, – сказал священник. – Сосед их рассказал, мол, собака, за которой Коля на реку пошел, была на волка похожа, белого! Но я ему не верю. Белых волков у нас не бывает. Собака, конечно, хотя и странная.

– Бабушка, у меня к вам будет просьба, не совсем обычная. Мне сказали, что у Марфы, матери Вани, и у Анфисы, матери Коли, была сестра. По имени Любовь. Нужно посмотреть в метрических книгах, был ли у нее ребенок, которого звали Авдей. Мне это очень важно, но, пожалуйста, не говорите матери...

Отец Сергей кивнул.

– Это будет несложно. Старые метрические книги, бывшие в деревянной церкви, сгорели в пожаре. Но вас-то интересуют записи за последние полвека, не более. Все они сохранились.

– Бабушка, вы на обед останетесь? — спросил Аркадий. Он надеялся за трапезой разузнать поподробнее, что еще рассказывали крестьяне про волка.

– Благодарю покорно, Аркадий Васильевич, но нет. Нужно возвращаться в храм.

Отец Сергей откланялся.

Мария Афанасьевна не вышла, осталась в своей спальне, плакала. Аркадий постучался.

– К вам можно?

– Конечно, заходи, Аркаша. Бедная, бедная Лена, как же так, что ее могло так напугать? Неужели она увидела привидение? Какие же мы беспечные! Надо было ей сразу сказать, что в доме происходят странные вещи.

– Поспите, мама, отдохните. Все равно ничего уже не исправишь, ее не вернешь. Поезжайте в Москву, я тут пока останусь...

Аркадий вышел из комнаты. Он уже знал, как поступит. Если отец Сергей сможет найти сведения об Авдее, Аркадий поедет к этому мальчику и постарается предупредить о грозящей опасности. Если же этих сведений не будет, он отправится в Шалово, к Марье. Она-то, наверное, сможет помочь.

Аркадий вновь почувствовал сильную слабость, болезнь его не отпускала. Он дошел до гостиной и прилег на диван. От яркого солнечного цвета у него заболели глаза. Аркадий встал с постели, задернул шторы. Когда он повернулся, перед ним стоял капитан.

– Месье, мне жаль, что так получилось с вашей тетей, хорошая была женщина, хотя и излишне разговорчивая. Она ночью увидела Ваню. Он не хотел ее напугать, но пытался с ней заговорить, не знаю, собственно, зачем. Кто бы мог подумать, что у нее настолько слабое сердце. В вашем мире, такое, к сожалению, случается. Люди боятся нас, хотя и совершенно напрасно. Но вы, кажется, это уже поняли. Кстати, Ваня вам сказал об Авдее. Это его двоюродный брат. Я не думаю, что он жив, но попробуйте его найти. Удачи вам, месье.

Капитан пропал. Аркадий, несмотря на раннее время, лег на кровать и уснул.

ГЛАВА 5

Ночь прошла спокойно. Но солнце утром как будто не взошло. Перед рассветом небо заволокло тяжелыми тучами, подул сильный ветер, и начался буран. Порывы ветра гнали плотные снежные заряды. Такой вьюги в Великорецком даже старики не помнили. Аркадий с волнением смотрел за окно. Марии Афанасьевне нужно было успеть на поезд, отходивший от станции днем. Для того, чтобы попасть на него, ей придется преодолеть около двадцати верст по равнине, над которой бушевала снежная буря. Кучер, приехавший за матерью Аркадия, качал головой. Дороги замело, сани могли перевернуться в одном из многочисленных оврагов, подходящих прямо к дороге. Кроме того, на пути предстояло переехать реку Серену, на которой из-за быстрого течения образовывалось множество промоин, скрытых под наметенным снегом. Решено было отложить поездку на завтра в надежде, что погода улучшится.

В полдень весь в снегу пришел отец Сергей. Пройдя в гостиную, он положил на стол выписку из метрической книги.

– Вот он, Авдей, нашел. Мать Любовь, как вы и говорили. Родился пятнадцать лет назад, в восемьсот девяносто седьмом году тут, в Великорецком. Живут, надо полагать, с отцом в Паршино, это на другом берегу Нигвы. Если вы хотите с ним поговорить, завтра можем вместе отправиться. Мне все равно нужно заехать к отцу Николаю в Местничи, это там недалеко.

Аркадий подумал, что, может, так будет и лучше, и согласился. Закрыв дверь за отцом Сергием, он поднялся в библиотеку, стал просматривать книги по местной истории. К счастью, дед Василий был педантом, все книги в шкафах были расставлены по темам, и найти нужную полку труда не составило. Рядом с книгами в кожаных переплетах стояли пожелтевшие от времени журналы Калужского исторического общества, их выписывал отец Аркадия. Среди статей по истории Калуги и уездных городов Аркадий с удивлением обнаружил рассказ о селе Местничи. Первое, что ему бросилось в глаза, было упоминание племени голядь, которое жило тысячу лет назад в той местности.

«Снова голядь», – подумал он.

Автор писал, что село стоит на древнем городище, это подтверждалось множеством курганов вокруг. Аркадий стал читать внимательнее и вдруг похолодел. Одним из тотемных животных голяди был волк, и они верили в существование волчьего царя, большого белого волка-оборотня.

Аркадий спустился на первый этаж, подошел к комнате матери, прислушался. Ему показалось, что та спит. Он тихонько приоткрыл дверь. Мать не спала, она сидела у окна и смотрела на бушевавшую бурю.

– Страшно мне что-то, Аркаша, – сказала она, не поворачивая головы. – Много непонятного происходит в Великорецком в последние дни. Вроде и Рождество, а как-то нет успокоения душе. Все эти ужасные смерти вокруг. И еще снежные бури... Никогда раньше такого не было. Ну раз, ну два в год. А теперь почитай через день. И этот волк странный...

Аркадий замер. Мать не должна была ничего знать про волка.

– Какой волк, мама? – тихо спросил он.

– Здоровый белый волк, мы с Дашей его из окна видели. Сидел прямо около дома, и ведь не боялся ничего. И глаза у него необычные, янтарного цвета. Даша сказала, что видела его у себя, в Местничах. Большие у них леса, глухие. Пусто там.

Аркадий вспомнил, что Дарья действительно не из Великорецкого, а из Местничей.

– Мама, а Дарья как у нас оказалась? Ее отец взял?

– Нет, Аркаша, еще дедушка твой был жив. Она была уже тут, когда я приехала, а ведь больше двадцати лет прошло. Наверное, дед нанял. С тех пор она у нас и живет, да и хорошо.

Даша старательная, все по дому делает, готовит. Чем новую прислугу-то искать... Сейчас с этим непросто.

На улице было все так же сумрачно, однако вьюга стихала. Ветер в трубе по-прежнему выл, но заметно тише.

– Поеду завтра, Аркаша, утренним поездом. Лену похоронить надо. Тебе чего из Москвы привезти? Я туда ненадолго.

– Да нет, мама, ничего не нужно. Спасибо.

Аркадий вышел, опять поднялся в библиотеку. «Надо бы отложить поездку в Местничи, – подумал он. – Хорошо бы с Марьей еще раз поговорить, посоветоваться. Может, расскажет чего про волка. Лучше к ней завтра поеду».

Аркадий тихо выскользнул из дома, чтобы мать не услышала, и направился через темный парк к отцу Сергию. Тот был в храме, готовился к вечерней службе. Кроме него в церкви были две древние старухи-прихожанки и Анфиса, вся почерневшая от горя. Она стояла на коленях перед кануном под распятием, что-то невнятно бормотала.

– Батюшка, – тихо сказал Аркадий священнику, – давайте отложим поездку в Местничи на несколько дней. Никак завтра у меня не получается. Матушка уезжает в Москву, Елену Афанасьевну хоронить. Да и чувствую себя не очень хорошо до сих пор.

Отец Сергей посмотрел на Аркадия.

– Конечно, Аркадий Васильевич, давайте перенесем. Мне не срочно.

Аркадий постоял перед иконой Николая Угодника, перекрестился и вышел из храма. Из-за облаков изредка выглядывала луна, и ее мертвенный свет озарял старый парк. Не до конца стихший ветер раскачивал клены, которые тихонько поскрипывали, как будто жаловались на что-то. Аркадий ускорил шаг. Вдруг он почувствовал в груди тяжесть, ноги подкосились, и он упал в мягкий снег. Подняв голову, он различил размытую фигуру, стоявшую неподалеку под старым кленом. Из-за темноты рассмотреть ее Аркадий не смог. Фигура двинулась к нему, и он увидел, что это призрак, одетый в старый русский мундир, с сучковатой палкой в руке.

– Что, барчук, в Местничи собрался? Не надо тебе туда ездить, ох не надо. Мать свою хоть пожалей. Она же не вынесет, коли с тобой что приключится. Места там пустые, страшные...

Луна вышла из-за туч, и Аркадий смог рассмотреть лицо того, кто с ним разговаривал. Это был коротко стриженный старик, совсем седой, с пышными усами, какие часто можно видеть на военных портретах середины прошлого века. Аркадия поразили глаза старика. В них было столько ненависти, что казалось, он пытается прожечь Аркадия взглядом. Ему почудилось, что он уже видел этого человека, но не мог вспомнить, где.

Старик коротко усмехнулся.

– Не узнаешь меня?

Фигура стала совсем прозрачной и через короткое время пропала.

Аркадий поднялся, в груди саднило, но боль постепенно стихала. Он медленно побрел домой. Разговор со стариком его и напугал, и озадачил. Кто это? И почему его назвали барчуком?

Аркадий надеялся, что Марья поможет ему разгадать эту загадку. Его тревожило, что количество странных явлений в последние дни возросло. И он подозревал, что волчий царь наблюдает за ним.

У входа в усадьбу он остановился, прислушался. Нет, ничего, тихо.

Мария Афанасьевна не спала. У двери стоял собранный чемодан.

– Аркаша, ты куда ходил? Мы же договорились. Тебе лежать надо, а не по холоду гулять. Совсем разболеться хочешь?

Аркадий заметил, что мать бледна, даже глаза как будто немного запали.

– Я видела фигуру в коридоре, когда пошла тебя искать. Она постояла у двери твоей спальни, потом исчезла. Мне страшно ...

– Как она выглядела? – спросил Аркадий, надеясь, что мать встретила французского капитана. Тот был, по крайней мере, безвредным и довольно куртуазным.

– Старик с палкой, я его плохо рассмотрела. Вроде, что-то было в нем знакомое. Но я его видела лишь мельком. Может, и показалось.

«Не показалось», – подумал Аркадий, но вслух ответил:

– Наверное, почудилось. Столько всего за последние дни произошло! Давайте уже спать, время позднее. А вам завтра рано уезжать.

Аркадий ругал себя, что не предупредил кучера, что после поездки на станцию тому предстоит отправляться в Шалово. Аркадий надеялся прибыть туда до темноты, чтобы поговорить с Марьей, переночевать на постоялом дворе или у Михаила Трофимовича, а послезавтра утром вернуться в Великорецкое.

Наутро Мария Афанасьевна заглянула к Аркадию в комнату попрощаться, он еще был в постели.

– Аркаша, может, мне не ехать, как ты тут без меня? Хочу остаться.

– Ну что вы, мама, поезжайте, конечно. Я чувствую себя уже заметно лучше, думаю завтра, ну послезавтра, все и пройдет.

Они вышли на крыльцо. Мария Афанасьевна поцеловала Аркадия и села в возок. Митька ждал, сидя на облучке, и лузгал семечки, сплевывая черную шелуху на снег.

– Митька, купи мне на станции газет, – обратился к нему Аркадий, – и местных, и столичных. Лучше «Речь». И «Калужские ведомости» тоже, если будут.

Сани тронулись. Аркадий стоял и смотрел им вслед. Вот уже лишь маленькую точку видно. «Так и мы все, – думал про себя Аркадий, – исчезаем... Вот мы есть, а вот уже и нет». Его мысли прервал подошедший к крыльцу отец Сергей.

– Вам, Аркадий Васильевич, похоже, в Паршино можно не ехать. Я, когда вернулся от вас в храм, спросил старую прихожанку, она всех в округе знает. Сказала она мне, что умер Авдей этот, вернее не умер, а погиб. Нашли его лет пять назад у водоема, есть там небольшое озерцо около Паршина. То ли пруд, то ли болото, все заросло камышами. Видел это место один раз, когда в Местничи ездил. Задрал его кто-то, может, медведь, может, волк... Неведомо.

Аркадия как по голове ударили. Значит, было три сестры, и все их сыновья умерли не своей смертью. «Это явно не совпадение».

– Спасибо вам, батюшка. Бедный Авдей, упокой его душу. Вам все еще нужно в Местничи? Я бы тоже съездил туда на этой неделе. Можем вместе отправиться через пару дней, если вы не против.

Отец Сергей поблагодарил за предложение.

– Конечно же, давайте вместе отправимся. И церковь там посмотрите. Величественный храм, и древний. Князь Голицын на постройку денег пожертвовал, не поспешил. Мы с отцом Николаем, который там служит, учились в одной семинарии. Приятный человек и хорошо образован.

Аркадий вернулся в дом, поднялся в библиотеку. Дальнейший просмотр книг ничего не дал, никаких дополнительных сведений про голядь не было, про Местничи тоже. Он услышал скрип ступеней на лестнице, вошла Дарья.

– Вам, Аркадий Васильевич, чаю приготовить?

– Да, будь любезна, сделай с лимоном и сахаром. А ты же из Местничей?

Аркадию на секунду почудилось, что Дарью удивил этот вопрос. Впрочем, возможно, это только показалось.

– Да, Аркадий Васильевич, отсюда мы. Вся моя родня там живет. И прадеды, и прапрадеды, все из этого села. Оно очень старое, можно сказать древнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.